

Въ былиняхъ о Потокѣ и Марьѣ Лебеди Бѣлой схема полнѣе; здѣсь есть и отниманіе жены царемъ. Былину можно отнести къ тому виду установленной выше схемы, гдѣ это отниманіе совершается посредствомъ физическаго насилія. Сначала Потокъ освобождаетъ Марью Лебедь Бѣлую отъ змѣи, для чего его спускаютъ въ яму (срав. въ тангутской сказкѣ съ опусканіемъ на веревкѣ). Затѣмъ слѣдуетъ нашествіе Политовскаго царя, который увозитъ Марью. Потокъ идетъ возвращать увезенную. Далѣе былина сбивается на злоключенія, которыми оканчивается египетскій романъ о Битью. Увезенная женщина охлаждаетъ къ своему прежнему другу и старается погубить его. Битью является къ ея двору подъ видомъ быка; по ея желанію онъ убитъ, но возрождается подъ видомъ дерева, которое по требованію царицы срубаютъ. Конечъ египетскаго романа напоминаетъ также окончаніе монгольской сказки объ Эрдени-Хараликѣ и тангутской объ Егъ-тамунцо. (См. „Этн. Обзор.“, кн. VIII, 144). На совпаденіе былины съ египетскимъ романомъ было уже указано мною въ статьѣ о Гэсэрѣ, помѣщенной въ „Вѣстн. Евр.“ 1890 г., сентябрь; тамъ же была проведена параллель между Леванидовымъ крестомъ, подъ которымъ три русскихъ богатыря (въ томъ числѣ и Потокъ) заключаютъ названное братство, и шестью деревьями монгольскихъ сказокъ, при которыхъ подобную же клятву дѣлаютъ шесть товарищей.

Г. Потанинъ.

1892, № 1.

кн. XII

ОЧЕРКИ ВИТЕБСКОЙ БѢЛОРУССІИ.

1. Старцы *).

I.

Подъ словомъ „старецъ“ ¹⁾ повсемѣстно въ Витебской БѢлоруссіи разумѣется человѣкъ, пригнанный жизнью къ горькой необходимости просить у сердобольныхъ людей первой житейской потребности — куска насущнаго хлѣба—или только для себя лично, или для своей нуждающейся семьи. Это не будетъ старикъ, старшій въ домѣ, родѣ, общинѣ, какъ то естественно понимать изъ самаго слова: желтоволосый старикъ, морщинистая старуха, сухорукій, хромоногій мужъ, слѣпой юноша, всякій „блажнѣй“ ²⁾ человѣкъ и, наконецъ, полнощекія, но „пахмѹрыя“ дѣти — всѣ одинаково называются „старцами,“ когда протягиваютъ руки за христараднымъ подаваніемъ, и именно за кускомъ хлѣба. Сравнительно бѣдно одѣтые, не менѣе бѣдно накормленные, съ „торбый у гѣрба“ ³⁾, неразлучнымъ „кѣйкомъ“ въ рукахъ и со словами „мѣлысцинки Христа ради“ на устахъ, — „старцы“ скоро могутъ быть отличены и среди многолюдной толпы, и въ одиночку,—чему не мало способствуетъ какая-то печать „старѣцкой“ обособленности: къ „старцу“ подходятъ на самое короткое время, чтобы подать милостыню, съ нимъ говорятъ только въ предѣлахъ того, за чью „дѹшаньку“ творится подаваніе, и проч. Кто такой „старецъ,“ какимъ путемъ дошелъ онъ до „торбы,“ есть ли и какая именно связь его съ людьми,—

*) Составлено по воспоминаніямъ изъ наблюденій въ селахъ: Вымнѣ, Котовѣ, Тадулинѣ, Яновичахъ, Кармелитахъ, Веляшковичахъ, Замшинѣ, Колышкахъ, Фалковичахъ, и Жеребычахъ—Витебскаго уѣзда, въ Сиротинѣ и Махировѣ—Полоцкаго уѣзда, въ Борковичахъ—Дриссенскаго уѣзда, и въ другихъ мѣстахъ Витебской губерніи.

сердоболець не жадаеъ знать, а самъ „старецъ“ потяготится навязчивымъ разсказомъ.

Разумѣется, то же самое цѣликомъ характеризуетъ не однихъ „старцевъ“ Витебской Бѣлоруссіи, а одинаково присуще всѣмъ ихъ собратьямъ въ Божьемъ мірѣ, именуемымъ нищими. Какъ тамъ, такъ и здѣсь причинами нищенства являются: лѣнь къ труду, неспособность къ работѣ вслѣдствіе слѣпоты, увѣчья, старости, болѣзненности, при полномъ безродствѣ и, слѣдовательно, лишеніи нужной поддержки. Но кромѣ перечисленныхъ причинъ, создающихъ „старѣчество“, кромѣ разныхъ несчастныхъ случаевъ, напр., потери семьи, имущества, крѣпостническаго разоренія въ давнія времена, когда могучею волею помѣщика отдѣльныя лица доводились до „старца“, въ Витебской Бѣлоруссіи есть неизсякаемый источникъ „старѣчества“ — бѣдность края, пріобрѣтшая всеобщую и—увы! — справедливую извѣстность. Я позволю себѣ остановиться на чисто, такъ сказать, пищевыхъ проявленіяхъ этой бѣдности и постараюсь воскресить въ памяти все, что я видѣлъ въ этомъ смыслѣ лѣтъ за тридцать передъ этимъ, въ б. Суражскомъ и Витебскомъ уѣздахъ по преимуществу.

Около Ильина дня изъ молодой, еще только зрѣющей ржи мужикъ начинаетъ печь хлѣбъ, блины и варить кашу, употребляя при этомъ опять же еще только зрѣющія овощи. Какъ это отзывается на изголодавшемся желудкѣ — ясно для всякаго; но вотъ что важно: недозрѣлая рожь при сушкѣ теряетъ добрую треть своего объема и не „спѣрится“, такъ какъ къ новому хлѣбу нѣтъ подспорья—ни мякины, ни „вѣтринны“ ⁴⁾, ни „пилюхѣ“ ⁵⁾, до-чиста уничтоженныхъ раньше, и его приходится ѣсть поневолѣ „чистымъ.“ Такимъ образомъ, пока подоспѣютъ хлѣбныя суррогаты и подспорья, при незначительномъ засѣвѣ, новая рожь поубавится настолько, что ея едва достаеъ на „сѣмины“ и только незначительныя крохи остаются на „ѣмины“ ⁶⁾. Но тутъ выручаетъ яровой хлѣбъ, картофель и домашнее мясо: баранина, свинина, поросята. Мужикъ сытъ до Филиппова поста; съ наступленіемъ послѣдняго онъ цѣликомъ остается на яровомъ хлѣбѣ, пріѣдаетъ его за время продолжительнаго поста такъ, что въ послѣ-рождественскій мясоѣдъ онъ прибираетъ въ свою оче-

редь крохи „ѣминнаго“ ярового хлѣба да мясные остатки. Заговляясь передъ Великимъ постомъ „скырымѣяциный“ ⁷⁾, мужикъ съ тѣмъ вмѣстѣ заговляется и на сытнѣю ѣду... до новаго хлѣба! По соображеніи всего сказаннаго становится очевиднымъ, что такъ называемое „сыццѣ“ ⁸⁾ Витебскаго бѣлорусса не очень продолжительно: начинаясь около Ильина дня, оно растетъ до Филипповока, видоизмѣняется постомъ, снова воскресаетъ въ Рождественскіе святки и теряется во время мясоѣда. Тутъ уже начинается хлѣбъ „пыловѣй“ ⁹⁾, „градобый“, „пушнѣй“ и мякинный — тотъ самый, про котораго добродушный бѣлоруссъ иронически говоритъ: „по ѣмъ кылѣи и чортъ пыбгѣиць, дыкъ бизпримѣнно ногу зыскабиць.“ Но и такого хлѣба нѣтъ въ достаткѣ, особенно весной, такъ какъ тотъ же бѣлоруссъ иронизируетъ дальше: „гѣра мужиково — ниразычку ѣнъ ни наѣсца дѣсыць хлѣба съ бѣрыкый“ (сокъ березы весной).

Сказанное о „сыццѣ“ имѣетъ мѣсто въ заурядные годы, когда мимо сельско-хозяйственной жизни прошли неурожаи, градобитія, скотскіе падежи, нападенія звѣрей и другія напасти. Совершенно не то бываетъ, когда та же жизнь подверглась одному или нѣсколькимъ бѣдствіямъ: тутъ ужъ не можетъ быть рѣчи о „сыццѣ“, а только забота о какомъ ни попало пропитаніи; тутъ нѣтъ мѣста хлѣбнымъ стадіямъ, а сразу же приходится имѣть дѣло съ такимъ хлѣбомъ, какой „ныбгѣиць“, попадетсѣ.

Вмѣстѣ съ недостаткомъ въ „ѣжѣ“ все остальное принимаетъ темную окраску и ведетъ къ постепенной потерѣ разныхъ хозяйственныхъ запасовъ — сѣна, соломы, льна, пеньки; вслѣдъ за ними проѣдаются: коровѣнка, лошадевка и „шубарѣнка“ съ плечъ. Дальше ужъ и проѣдать нечего. Хорошо еще, если въ семьѣ найдется подходящий къ найму вастухъ, или работниа, да есть спросъ на нихъ: тогда на удовлетвореніе каждодневныхъ пищевыхъ нуждъ запродаются этотъ живой товаръ. Нѣтъ товара, да нѣтъ спроса — остается одно: „причапѣвъ тѣрбу къ гѣрбу“, пустить одного или нѣсколькихъ членовъ семьи за „мѣлысциный Христовый“. Такое безвыходное положеніе создаетъ „старцевъ случайныхъ“. О нихъ-то прежде всего будетъ моя рѣчь.

„Случайные старцы“ появляются около Филипповокъ, непрерывно бродятъ до Рождества Христова, уменьшаются численностью во время святокъ, снова размножаются въ мясоѣдъ и снова же уменьшаются въ Великомъ посту, исчезая по мѣрѣ наступленія теплыхъ дней и приближенія полевыхъ работъ. Въ первые, такъ сказать, ряды „случайныхъ старцевъ“ обыкновенно выступаютъ дѣти-малолѣтки, разумѣется, по волѣ и указанію родителей или хозяевъ нуждающейся семьи. Одѣтые въ будничныя платья, съ небольшой „тѣрбачкой“ на боку, съ „кѣлочкомъ“ въ рукахъ, войдутъ они въ намѣченную избу, остановятся у порога и, молча, съ потупленными головами, ожидаютъ подаенія. Болѣе „навыторенный“ ¹⁰⁾ изъ нихъ иногда перекрестится и даже произнесетъ „Вѣччу—жѣсю“; ¹¹⁾ напротивъ, простачки или смущенные не догадаются даже шапки снять. Хозяева не спрашиваютъ, зачѣмъ пришли, такъ какъ это очевидно, особенно, если старцы изъ извѣстныхъ деревень и семей; въ противномъ же случаѣ единственнымъ вопросомъ хозяевъ будетъ: „откѣлитка вы“? Если „старцы“ не ѣли „стравы“, ¹²⁾ имъ подадутъ таковую, не за столомъ, конечно, а на лавкѣ, близъ порога; дадутъ кусокъ хлѣба на дорогу, подадутъ, пожалуй, и немного „збѣжжійка“ ¹³⁾. Кромѣ того „старцамъ-безмѣткывичамъ“ ¹⁴⁾ подадутъ подходящую „старіизнычку“, ¹⁵⁾ а сердобольныя женщины-матери „привѣцюць старцывъ“ ласковымъ словомъ, вспомянутъ объ умершей ихъ матери. Эта „вѣтлысь“ ¹⁶⁾ идетъ и дальше: тѣ же сердобольныя хозяйки иногда „кыпанутца ў старецкія головы“, да тутъ же и вычешутъ „грибянцѣмъ старецкихъ вѣшей“. Почти съ тѣмъ же безмолвіемъ уходятъ „старцы“ изъ „вѣтлыго“ дома и направляются въ другіе, а къ вечеру „кормильцы“ приносятъ домой собранное подаеніе: нѣсколько кусковъ „градѣвыго, пыловѣго, пушнѣго“ и мякинаго хлѣба, да сколько-нибудь „збѣжжійка“. Всему рада голодающая семья, все съѣдается съ благодарностью къ добрымъ людямъ.

Чѣмъ тяжелѣе годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, тѣмъ большее число „случайныхъ старцевъ“ бродитъ за подаеніемъ, то въ одиночку, то въ двоємъ, особенно братья и сестры. Въ болѣе трудныхъ обстоятельствахъ съ малолѣтками

ми выходятъ старики и старухи, которыхъ принимаютъ и надѣляютъ одинаково съ дѣтьми. Еще рѣже, въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, сопровождаютъ старцевъ-дѣтей родныя матери ихъ; но онѣ не входятъ въ дома, а только руководятъ дѣтьми и охраняютъ ихъ путь, „туляючися пызаѹгѡлло“, ¹⁷⁾ да за деревенской околицей. При такомъ наплывѣ „случайныхъ старцевъ“ привычные хозяева безъ укоризвы говорятъ: „пытагну́лиси старцы, ды ѹсѣ Заві́риньцы й Зыболѡцинъцы (по названіямъ деревень),—мѹсиць ѹ хлѣби ни спра́ва“ ¹⁸⁾.

Однако, не всегда и не вездѣ „случайные старцы“ встрѣтятъ „вѣтлый прынѣмъ“ и получатъ „старѣцкій пыдарѹныкъ“. Разозлившаяся хозяйка иногда накинется на „старцевъ“ съ такою приблизительно укоризной: „Ци васъ пѡмжа ¹⁹⁾ ѹзно-сила! Ципѣрицька вы й сами идицѣ; а йдѣ васъ ѹ лѣтку знайциць? Сунься змѡвиць васъ дѣли пѡсты ²⁰⁾, дыкъ и цаны-мѣры вамъ нѣтуци! Идиця у старыя мѣсто!..“ ²¹⁾ Пристыженные, съ потупленными какъ можно ниже головами, уходятъ старцы „обыртѡсымъ“ (обратно). То же повторяется съ неразумными „старцами“, когда, по невѣдѣнію, они зайдутъ въ нуждающійся домъ. Тутъ имъ скажутъ коротко, но выразительно: „съ Богымъ! своихъ сѣмиро пойшлѡ!..“

Когда такъ плохо „пывыдѡся жѣхару“ ²²⁾, что за кускомъ хлѣба онъ выслалъ дѣтей, то что же должны дѣлать бобыли и бобылки, которые найдутся въ каждой почти деревнѣ и которые кормятся отъ „жѣхарывъ“ даже въ самую счастливую пору года? Разумѣется, имъ и Богъ велѣлъ „ициць пы старцыхъ“. Въ полномъ составѣ своей небольшой семьи, за исключеніемъ развѣ возрастной дочери, счастливое положеніе которой приравнивается поговоркой съ счастливому положенію „вѡйтывыго кыня и прѹдникивыи свинни“, бобыли и бобылки идутъ за подаеніемъ, такъ сказать, во вторыхъ рядахъ „случайныхъ старцевъ“. Они не очень-то „соромны“, не потупятъ своихъ головъ, не попадутъ въ просакъ, подобно малолѣткамъ. Зная домъ и характеръ хозяевъ, которымъ они часто и давно служатъ разными „пыслухмѣнствыми“ ²³⁾, бобыли и бобылки сумѣютъ то „отбриха́нца“, то „пыдойциць лѣстычкыи“. Оттого подаеніе такимъ „старцамъ“ вѣрнѣе и обильнѣе, нежели подаеніе малолѣткамъ.

Съ наступленіемъ полевыхъ работъ и особенно „припырницы“ ²⁴⁾ и эти „случайные старцы“ точно метлой выметаются вслѣдъ за своими предшественниками. Тогда остаются на вольномъ свѣтѣ постоянные, профессиональные „старцы“, о которыхъ главнымъ образомъ и будетъ моя дальнѣйшая рѣчь.

II.

Говоря о „постоянныхъ старцахъ“, я разумѣю два вида ихъ: 1) „хожѣлыхъ“ (гдѣ день, гдѣ ночь) и 2) „притѣмныхъ“ ²⁵⁾, живущихъ или, по крайней мѣрѣ, не очень давно жившихъ въ сельскихъ богадѣльняхъ. Первыхъ создаетъ или вся ихъ горемычная жизнь, или горемычный остатокъ ея; вторыхъ же—исключительно остатокъ жизни, когда, при безродствѣ, подступила болѣзненная и безпомощная старость.

Среди „хожѣлыхъ старцевъ“ достойны упоминанія „кирмашовые“, которые во множествѣ собираются на сельскія ярмарки („кирмаша“), или на сельскіе храмовые праздники, гдѣ отъ многочисленныхъ посѣтителей и богомольцевъ они собираютъ довольно обильное подаваніе.

Яркимъ выразителемъ и лучшимъ типомъ „хожѣлаго старца“ и до сихъ поръ живетъ въ моемъ воспоминаніи „Сумонъ (Семенъ) сляпѣй“ (другого имени этого „старца“ я не слышалъ), который появлялся въ нашемъ селѣ раза два-три въ годъ. Высокій, но слегка согнутый подъ тяжестью заплечнаго мѣшка съ подаваніемъ, съ широкими плечами и грудью, съ жидкими, расходящимися ногами, Сумонъ производилъ особенное впечатлѣніе еще издали. При близкомъ разсмотрѣніи Сумона, это впечатлѣніе усиливалось: благодаря безсмѣнной и лѣтомъ и зимою „обловухѣ“ ²⁶⁾, довольно высокій ростъ его еще больше выигрывалъ; когда же Сумонъ обнажалъ свою рыжеватуую съ просѣдью голову, то не менѣе роста разилъ глаза его высокій морщинистый лобъ и подъ нимъ двѣ глазныя впадины съ неоткрывающимися вѣками безъ рѣсницъ. Высокій, заостренный носъ съ горбомъ, выдѣляющійся на рябомъ, матовомъ лицѣ, да полусѣдая, рыжая борода, клиномъ упиравшаяся въ середину груди, вершили, такъ сказать, первое впечатлѣніе. Когда Сумонъ шелъ со своей ношей, или когда пѣлъ,

то матовое лицо и носъ окрашивались румянцемъ, а толстыя шейныя жилы принимали видъ бичевокъ; съ каждымъ движеніемъ губъ прыгала серебряная серьга въ лѣвомъ ухѣ и то же почти движеніе дѣлала Сумонова борода. Тонкія губы Сумона открывались только при пѣніи да привѣтствіи; въ остальное время, даже при ѣдѣ, онѣ большею частью оставались сомкнутыми.

Не смотря на періодическое свиданіе съ Сумономъ привычку къ нему, никто въ нашемъ селѣ не зналъ, сколько Сумону лѣтъ, откуда онъ, гдѣ и отъ кого родился. Зналъ ли про то и самъ Сумонъ—я не могу отвѣтить. Пятидесятилѣтніе старики увѣряли меня въ дѣтствѣ, что знаютъ Сумона все такимъ же съ давнихъ поръ, и какимъ я видѣлъ Сумона въ дѣтствѣ, точно такимъ же я помню его въ зрѣломъ возрастѣ, съ неизмѣнившимся голосомъ, съ тою же походкой и просѣдою. Въ равной мѣрѣ оставались неизмѣнными на Сумонѣ его „обловуха“, сѣрая, до безконечности заплатанная сермяга, большія рукавицы зимой, да черныя оборки при лаптяхъ. Мнѣ всегда наивно думалось, что все это на вѣки вѣчные приросло къ вѣчному Сумону, какъ его „торба“—къ спинѣ, а „пуга“—къ рукамъ. Но эти „торба“ и „пуга“ Сумона заслуживаютъ болѣе подробнаго описанія.

Для ссыпки получаемаго „збѣжжа“ Сумонъ носилъ за спиною прочный холщевый мѣшокъ (торбу), по ширинѣ и длинѣ равный его замѣчательной спинѣ, съ незакрывающимся устьемъ вверху. Сумонъ носилъ свою „торбу“ при помощи двухъ широкихъ тесемъ, пришитыхъ къ устью мѣшка, переходящихъ чрезъ плечи, перекрещивающихся на груди и соединяющихся съ нижними углами „торбы“ при посредствѣ двухъ палочекъ, имѣющихъ значеніе застежекъ. Кромѣ этой главной „торбы“ Сумонъ носилъ подъ обѣими мышками по „торбѣшкѣ“, веревочныя помочи которыхъ въ свою очередь перекрещивались на груди. „Торбѣшки“ предназначались для склада другихъ подавій—кусковъ хлѣба, „сочнѣй, лѣпней“²⁷⁾, драчѣнъ, блиновъ и проч., причемъ въ одну изъ нихъ складывались подавія на текуція потребности, а въ другую—про запасъ. Изрѣдка, и то лѣтомъ, Сумонъ носилъ въ рукѣ небольшую корзинку для яицъ, „сулейку“²⁸⁾ съ водой на слу-

чай перехода по безводному мѣсту, да запасные лапти, привѣшенные къ одной изъ „торбѣшек“.

„Пуга“ Сумона состояла изъ гладкой палки—„цапилины“²⁹⁾, аршина въ два, съ привязанною къ ней веревкой сажени въ три длиною. Когда Сумонъ былъ въ пути, или въ опасности отъ собакъ, сложенная веревка подтыкалась за поясъ или же болталась при палкѣ, на которую Сумонъ безпрестанно опирался. При проходѣ мимо пасущагося стада и при входѣ въ деревню Сумонъ распускалъ веревку, держа „пугу“ наготовѣ, но пускалъ ее въ дѣло въ самомъ крайнемъ случаѣ, причемъ наравнѣ съ собаками иногда доставалось и назойливымъ „блѣзнамъ“ (шалунамъ), — за что родители не особенно сѣтовали на пользовавшагося уваженіемъ Сумона. „Остатнимъ“ убранствомъ Сумона были: общая у Витебскихъ бѣлоруссовъ кожаная калита, ножикъ въ кожаномъ чехлѣ и мѣдный „грибинѣць“, обыкновенно носимые на рубашечномъ поясѣ.

Какъ слѣпецъ, Сумонъ никогда не разлучался съ „поводырѣмъ“, который почти всегда носилъ тѣ-же „торбы“ и „пугу.“ Поводырями Сумона бывали различныя лица: дѣти отъ 9 до 12 лѣтъ, зрячіе, калѣки и рѣдко женщины, которыхъ Сумонъ видимо не долюбивалъ. На какихъ условіяхъ сходился Сумонъ со своими поводырями — я не умѣю отвѣтить теперь; знаю только, что они смѣнялись довольно часто, и помню горькое сѣтованіе Сумона на такой порядокъ вещей: „одукѣишь“³⁰⁾ ягó (поводыря), якъ добрыго; а ёнъ кѣниць цибѣ, ды й хвостомъ накрѣтитца!“ Кто виноватъ былъ въ частыхъ смѣнахъ поводырей — самъ ли Сумонъ, или его случайные спутники, — опять же не могу утвердительно сказать, хотя Сумоновскихъ поводырей приходилось иногда видѣть на той же службѣ и у другихъ „старцевъ“. Обыкновенно поводырѣ шелъ впереди, а Сумонъ слѣдовалъ за нимъ шагахъ въ трехъ, держась за „мыторбѣць“³¹⁾, однимъ концомъ привязанный въ поводырской запасной торбѣ (у дѣтей она бываетъ всегда пустою). Кромѣ „поводырства“ вожака Сумона помогать ему въ „спѣвахъ“, причемъ онъ всегда пѣлъ въ октаву выше и въ унисонъ съ Сумономъ. Какъ только Сумонъ „становился на службу“, вожака устанавли-

вался „пѣпличь“ (рядомъ), преимущественно съ лѣвой стороны. Оба они явственно крестились, крестообразно складывали руки на „пѣги-кѣйки“, и Сумонъ сильнымъ баритономъ, всегда нѣсколько въ носъ, начиналъ пѣть слѣдующіе „старѣцкіи спѣвы“ при участіи своего сотрудника *):

Мы ѣ живали рабы, мы ѣ на вольнымъ свѣци,
Мы ѣ пивали—ѣидали, прыхлыждалися,
Мы свою душѣ граховъ много накладывали.
Мы ни знали сарады, ни пятницы,
Ни другого Господниго прѣзничка;
Къ милосѣрный церквыи ни хѣживыли,
Свичей, прыскуровъ (просфоръ) Богу ни нашивыли,
Господниго читаннійка ня слѣхывыли....
Мы прастѣли уси книги рысклыдаютца,
Мы прастѣли уси книги рывтыраютца:
Ды ни знать, якъ намъ отпирѣнца отъ граховъ,
Ды ни знать, што душѣ ѣ вогнѣ сгорѣць,
Ды ни знать, што душѣ ѣ смолѣ скипѣць!..

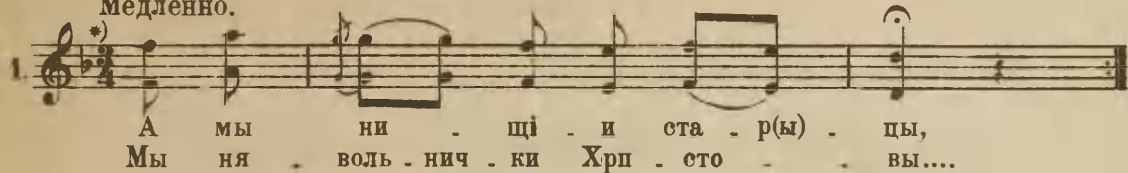
Этого краткаго „спѣва“ часто достаточно бываетъ, чтобы, такъ сказать, отрезвить душу «милосѣивцывъ» и вызвать «мѣлысцину Христовую». Въ болѣе парадныхъ случаяхъ, какъ, напр., при „кирмашныхъ спѣвахъ“, или при заказномъ „спѣву“, Сумонъ поетъ тѣмъ же баритономъ, при неизмѣнномъ участіи сотрудника, слѣдующую выразительную пѣсню, мотивъ которой я усиленно старался воспроизвести:

А мы ѣ нищѣи старыцы, мы ѣ нявольнички Христовы...
А ни роду ѣ насъ, ни плѣми,
А ни бѣцѣкъ, а ни мѣтыкъ, а ни цѣцѣкъ, а ни дядѣкъ.
Нѣши ѣ брѣцѣйки побѣдны, нѣши ѣ сѣстрѣйки калѣцны.
Мы ѣ свойго куткѣ ³²⁾ ни мѣимъ, мы люцкѣй ѣсѣ спыдивѣимъ ³³⁾.
А ѣдѣ нѣченька спыткѣицъ ³⁴⁾, а ѣдѣ дожжѣйка промочѣць,
А ѣдѣ сѣвнѣйка припѣлицъ,—одна ѣ зѣмилька прымѣицъ!
Нѣша ѣ пицѣя—кусѣники, нѣша ѣ пѣцѣйка—глытѣвѣицъ ³⁵⁾;
Мы ѣ одѣцѣицъку лытѣвѣимъ ³⁶⁾, мы ѣ обѣцѣицъку тыптѣвѣимъ,
Пы зѣмѣльки ѣ пывѣлѣимъ, пы заѣгѣлѣимъ зѣбранѣимъ...

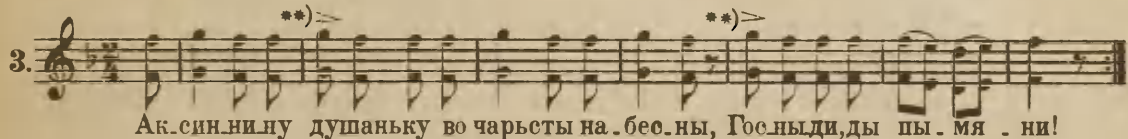
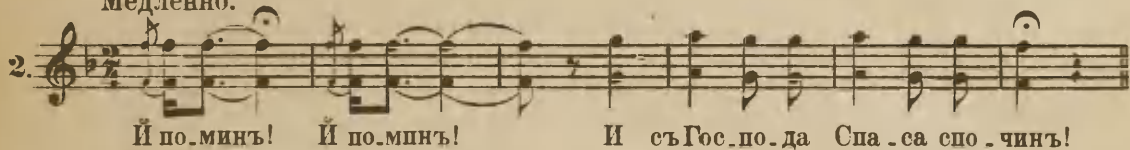
*) Къ сожалѣнію, мотивъ нижеслѣдующаго стиха потерянь мною и не можетъ быть восстановленъ. Другіе мотивы прилагаются особо.

Къ статьѣ: „ОЧЕРКИ ВИТЕВСКОЙ ВѢЛОРУССІИ“

Медленно.

Медленно.

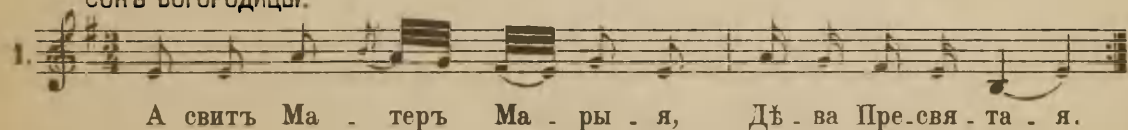

*) СИ \flat въ ключѣ необязательно: напѣвъ можетъ быть сложенъ въ локрійской говальности.

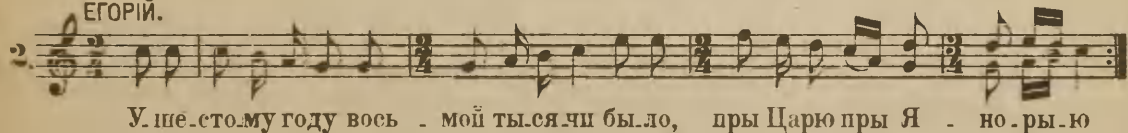
**) Дѣлая удареніе на первой нотѣ, пѣвецъ нѣсколько протягиваетъ ее.

Къ статьѣ: „ПРОКОПЪ ЧУВЪ.“

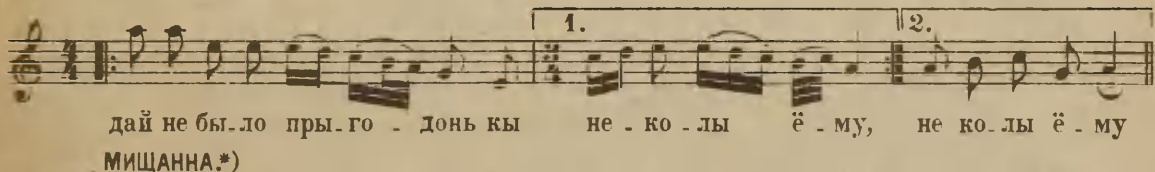
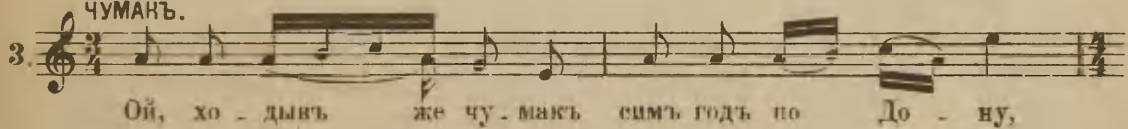
СОНЪ БОГОРОДИЦЫ.

ЕГОРІЙ.

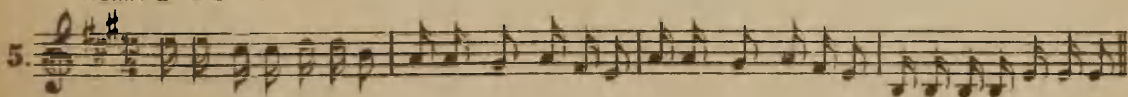

ЧУМАНЪ.

Якъ заду-ма-въ мужичокъ мищаночку взя-ты, Вона ё-му по-ска-зала: я невмію жаты.

ХОМА и ЯРЕМА.

Послу-хай-те, гос-по-да, я вамъ ри-чь го-во-ру, я вамъ ри-чь го-во-ру про Я-ре-му про Хо-му.

*) На тотъ-же мотивъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, поются также: „Теща“ и „Щиголь“ Въ первоначальной записи было поставлено въ ключѣ три дѣза, повидимому они-бочно.

Ўзмилосѣрся Ты, Ўсавыш(и)ни, надъ тымъ жиццѣйкымъ
болѣзнымъ:

Зыпошли жъ Ты, Милосѣр(ы)ны, пы мою душу й по грѣшную!
А инá жъ на свѣци выгулялыся а инá жъ на Божимъ спы-
цишáлыся;

А ни ў прòтоми, а ни ў радысци а ни ў люцкей жа то жáлысци!...
Святыѣ Пётра, ёнъ жа Павлѣ, Божжай ключникъ ты лыскáвыѣ!
Ды й бярэ жъ ключи златыѣ, и отхутай двери новыѣ,
Ды й вяди душу ды Чáрьсты (цáрствіа), пысадѣ душу до крѣслы!
Нихай Боженька пытáиць, ды й Спасъ милый выспрышáиць:
Якъ сародъ людей жилося, сародъ браццѣйкы валося?

„И ни пытáй Ты, Боженька, и ни пытáй Ты, моцненьки!

„А ўси жъ люди прызабылиси, твоихъ браццѣйкы выдэялиси,

„Пырыгами й кусынями, ды й крѣпкѣй кулыкáми;

„А й мидамі — сыхырями, ды й лютѣй усѣ псами!

А и узмястѣ жъ, ўздай, Божа,

Ты й добрòму пы добрòсци, ты й лютòму пы лютòсци,

А й выпрасному ўныпрáсци а й ныхрáтному ўныхрáсци, ³⁷⁾

Кабъ и волю Твою чули, кабъ и ласку Твою знали,

На тыхъ браццѣйкы ўзглядáли й милосцѣнку пыдывали

На поминъ души притòмный

ў Раю Божимъ прасвѣтлымъ, ў чарьсту Божжамъ набеснымъ!..

Эта пѣсня, какъ и другія, подобныя ей, вызывали у слушателей чистосердечныя слезы и ужъ во всякомъ случаѣ будили тяжелыя отрезвляющія думы. „Милосцѣвцы“ спѣшили не подаяніемъ только, а и особенно „вѣтлысцю“ къ Сумону и его проводнику: приглашали присѣсть, „пылягчѣйца“ отъ ноши и отвѣдать „стравы“, если они не ѣли таковой въ тотъ день.

Когда Сумонъ являлся въ подходящее время, то послѣ отдыха и, пожалуй, подкрѣпленія „стравой“, хозяева просили его продолжить „спѣвы“, пропѣть Лазаря, сдѣлать „поминъ по срòсничкахъ“, или помолиться за урожай и приплодъ скота. Охотно и немедленно Сумонъ спѣшилъ на „слѣжабку“. Тутъ онъ поднимался на ноги, складывалъ руки на „пѣгу“ крестообразно и прежде всего чинилъ съ поводыремъ нѣчто въ родѣ стройки инструмента, давалъ, такъ сказать, тонъ на предстоящее пѣніе, затягивая вступительный стихъ:

„Й поминъ! й поминъ! И съ Госпыда Спаса спочинъ!“

Въ ожиданіи же перечисленія поминальныхъ именъ Сумонъ клалъ подбородокъ на скрещенныя руки, что онъ дѣлалъ и въ послѣдующее время при кратковременной остановкѣ „спѣва“. Поминающіе диктовали имена умершихъ „срѣсничкывъ“ съ тѣмъ житейскимъ переименованіемъ, какое удерживалось за ними на землѣ, напр.: Якушъ, Микилай, Михалка, Акси́ня, Пыланѣя, Авгі́ня и проч. Въ отличіе съ возрастныхъ дѣтскія имена произносились въ ласкательно-уменьшительной формѣ: Якушенъка, Акси́нька и проч. Сумонъ вторилъ диктуемымъ именамъ съ тѣмъ же произношеніемъ, перемѣняя каждое имя въ соотвѣтственное прилагательное, напр.:

„А-ксин-ни-ну душанъ-ку вы чарь-сты на-бе-сны, Госпы-ди, ды пы-мя-ни!“

Сколько бы ни диктовалось именъ, Сумонъ отпѣвалъ каждое изъ нихъ отдѣльно по приведенному образцу, терпѣливо выжидая продолженія диктовки, замедлявшейся при воспоминаніи именъ и отъ того, что обычай, рѣдкій впрочемъ, требовалъ, чтобы поминающій жевалъ что-нибудь „ла́сое“³⁸⁾ — баранку, пирогъ, чистый хлѣбъ, откусывая небольшой кусокъ при каждомъ произнесенномъ имени. Во время „кирмашоваго“ поминанья такимъ „ла́сымъ“ кускомъ бывалъ „пёрникъ“³⁹⁾, огрызокъ котораго вмѣстѣ съ другими дарами поступалъ въ пользу „старца“ по окончаніи помина.

Когда поминаніе приходило къ концу и когда диктующій имена останавливался дальнѣйшимъ припоминаніемъ ихъ, Сумонъ спрашивалъ: „ци ўси?“ — „Здаётца, ўси; а можа кого й призабывъ — богі ихъ вѣдыюць!“ — отвѣчаетъ поминающій. Тогда, послѣ краткаго отдыха, минуты двѣ спустя, Сумонъ дѣлалъ общій поминальный „спѣвъ“ на одинъ и тотъ же неизмѣнный мотивъ:

Й пымяни, Божа, вы чарьсты, ды ў рай своей прасвѣтлы,
Ды ўсё у быццйку вясёлымъ, ды ўсё ў жиццйку провольнымъ,
Кабъ и срѣсничкывъ чувáli, *) кабъ й молитывку врыймалп,
Кабъ ды й зъ неба суглидáli, хлѣба й соли зысылалп!...

Якъ и ба́ццкы, дыкъ и ма́тыкъ, якъ и цѣ́ццкы, дыкъ и дя́дцкы,
Якъ и бра́ццывъ, дыкъ и сѣ́сццрь, [похѣ́вннхъ⁴⁰⁾].
Ды ў́сцхъ свáцццкывъ любѣ́вннхъ, ды ў́сцхъ дру́жжйкывъ

*) Можетъ быть, лучше читать: «Кабъ и срѣснички ўчувáli»... Ред.

Ды й хто бѣлы свѣтъ покинывъ, ды й хто ў зѣмельку урѣчывъ,
 Ци по Божій воли прáвый, ци по лю́дкѣй спра́ви крѣвый,
 Й ты́я души нѣпрѣто́мны ⁴¹⁾, й ты́я души нѣповѣнны,
 Што и ў поли зыстралѣны, што и ў полыми спалѣны,
 Што ў няво́ли зымучо́ны, што ў ныхра́дцы зыгублѣны,
 Што и ў води пытоплѣны, ды й што звѣрѣмъ зыядѣны,
 Ды й схува́ны нѣкщо́ны!...

А и зми́лся, Божа прáвый! а и жжалъся, Божа щѣры́й!
 Ды й збавъ, Божа, отъ выпáсци, ды й утѣ ся́кѣй выпра́сци
 И того, хто бѣлы свѣтъ давъ, и того, хто грѣшны духъ пры-
 мавъ —

А й съ тѣй ба́бцы пупорѣзны́й, а й съ тѣй ма́тычцы подхрѣс-
 ны́й ⁴²⁾,

Што и пра́дку прыцува́ли ⁴³⁾, што и ў зыбо́цы кылыха́ли,
 Што й на тѣй свѣтъ обража́ли ⁴⁴⁾, й ды моги́лки спрывыжа́ли,
 Што й замѣлькы́й зысыпа́ли, ды й моли́тывку чинили,
 Ды й Хрыста-Бога молили — за ўсѣхъ сросничкывъ просили....

При послѣднихъ словахъ общаго „поминальнаго спѣва“
 голосъ Сумона становился слабѣе, но не вслѣдствіе уста-
 лости, а скорѣе ради нерѣзкаго перехода къ заключитель-
 ному „помину“, который произносился въ полголоса и закан-
 чивался почти шепотомъ. Такъ, въ полголоса Сумонъ произ-
 носилъ: „и поминъ имъ (умершимъ), и чарѣсты набѣсны,
 й рай прасвѣтлы! а вамъ (поминающимъ) и на добрыя здо-
 ровѣйка, ны жиццѣ, ды ны быгадця!“ И почти шепотомъ онъ
 читалъ молитву Господню въ такомъ уродливомъ искаженіи,
 что мнѣ совѣстно воспроизвести ее пѣликомъ. Сумонъ за-
 канчивалъ ее словами — „али збавъ насъ отъ лукавыго, свя-
 то́го Тво́йго!“ затѣмъ громко произносилъ „амѣнь!“ и тутъ же
 опускался на лавку для отдыха. Само собою разумѣется, что
 сотрудникъ Сумона произносилъ разомъ съ нимъ и заключи-
 тельныя слова „помина“, хотя октавою выше; онъ повторялъ
 даже всѣ движенія Сумона.

Кромѣ приведенныхъ „спѣвовъ“, по просьбѣ и желанію
 „милосці́вцывъ“, Сумонъ „чинилъ спѣваную молитвыку“ а) о
 здравіи жильцовъ — „отъ рѣчака ломоты, отъ сѣрца сухоты,
 отъ во́чкѣ сляпо́ты“, — б) объ урожаѣ и плодovitости ско-
 та: „зніпошли, Божа, дыстáтку во ўсѣмъ жи́дци Ікушо́-

вымъ ⁴³⁾: а и ў хлѣбѣ спырождѣнне, а и ў стѣтки прибавленіе, а и ў пѣтѣвѣннѣмъ „злѣсникъ“ дома: „кабъ и гадъ зыдавівся, кабъ и нѣхрыць ⁴⁴⁾ утапався“. Тутъ Сумонъ заходилъ очень далеко, благодаря обилію такъ-называемыхъ „клянбѣнъ“ (проклятій) въ бѣлорусскомъ говорѣ и благодаря вызванной потребности въ нихъ.

Я почелъ бы послѣднее обстоятельство пятномъ на служебной дѣятельности Сумона, если бы не зналъ, что „клянбѣны“ слишкомъ обыденны въ Бѣлоруссіи для пораженія „злѣсника“ и что Сумонъ только „годилъ“ своимъ заказчикамъ, чистосердечно прося Бога послать имъ всяческія благополучія, въ томъ числѣ и пораженіе „злѣсника“, къ которому лично „старецъ“ не питалъ вражды, также какъ и дружбы. Во всякомъ случаѣ, если даже считать это пятномъ въ характеристикѣ Сумона, то это пятно сглаживалось всѣми добрыми сторонами его жизни и души: „Сумонъ сляпѣй“— всегда „любый старецъ“, приходъ его всегда кстати, „спѣвы“ его всегда дороги, по душѣ слушателей. Правда, они не воскрешаютъ въ памяти слушателей родной старины, жизни отдаленныхъ предковъ, а сводятся къ узкому заключенію, что горе богатымъ, забывшимъ Бога, своихъ меньшихъ братьевъ, нуждающихся въ „милысцинкѣ Христовой“. Но они въ то же время традиционны: тотъ же „спѣвъ и поминъ“ слышали дяди и бабки и въ той же мѣрѣ отрезвляли свою душу, какъ отрезвляли ее слушающіе внуки и дѣти.

Понятно, что, помимо зауряднаго „старѣцкаго дара“, Сумонъ получалъ и другіе: то кусокъ холста, то горсть льна и шерсти, то кусокъ сала, пятокъ яицъ, или же одаривался деньгами — „трыячкый“ (1 коп.), „симакомъ“ (2 коп.), гривный (3 коп.) и болѣе. Сумонъ принималъ все во имя Христова и, не выражая ни радости, ни удовольствія, благодарилъ дателей неизмѣнными словами: „ўздай вамъ, Бѣжанька!“ Даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Сумону не подавали „милысцинки“, онъ уходилъ безъ выраженія неудовольствія, съ словами: „пошли вамъ, Бѣжанька!“ Послѣднее бывало, однако, весьма и весьма рѣдко, такъ какъ Витебскій бѣлорусъ при посѣвѣ хлѣба вызываетъ урожай его: „роди, Божа, и ны старѣцѣву долю!“ хранить отдѣльное „збѣжже

дѣли старцевъ“, для отсыпки котораго имѣть всегда наготовѣ „старѣцкыя чарплѣ“ ⁴⁷⁾.

Сумона нельзя упрекнуть даже въ самомалѣйшей „хщивыщи“: ⁴⁸⁾ онъ не выпрашиваетъ и не торгуется о подаваніи, а беретъ, что дадутъ; онъ не разыскиваетъ хозяевъ на полѣ, въ овинахъ и огородахъ; онъ не протянетъ руки къ тому, что плохо лежитъ, или стоитъ, а беретъ лишь изъ рукъ въ руки. Онъ не шарлатанить, подобно современнымъ „старцамъ“, ни святой водой, ни цѣлебнымъ масломъ, ни другими предметами изъ такихъ отдаленныхъ святыхъ мѣстъ, куда и „воронъ костей не занесетъ“; онъ не пропѣетъ подаванія, чтя въ немъ трудовую оплату трудового дѣла, а копить и бережетъ полученное „на черный день, да на похѣвъ своей грѣшной душаньки“. Въ тѣ годы, когда сельско-хозяйственные бѣды постигли край, и когда нѣтъ отбою отъ „случайныхъ старцевъ“, Сумонъ почти стушевывается, исчезаетъ. Ему слишкомъ понятно народное бѣдствіе, а муравьиные запасы предшествующихъ лѣтъ позволяютъ жить Сумону не хуже иного „жйхара“, съ которымъ онъ не прочь подѣлиться, если только „жйхаръ не погѣрбуиць“ ⁴⁹⁾ старѣцкимъ добромъ. „Гербывыць“, однако, не приходится, а приходится брать предлагаемое съ благодарностью и съ обязательствомъ возврата при улучшившихся обстоятельствахъ. Потерявшія молоко кормилицы спѣнать къ „Сумоновой торбѣ“, чтобы самолично выгрести изъ нея и тутъ же съѣсть христарадныя крошки, что Сумонъ охотно и привѣтливо позволяетъ дѣлать.

Въ дополненіе ко всему, что есть въ Сумонѣ „любыго“, слѣдуетъ умянуть, что онъ никогда не бывалъ проводникомъ, передатчикомъ ни худыхъ, ни хорошихъ „звѣсти“ отъ одного дома къ другому. На какую семейную сцену ни подоспѣлъ бы Сумонъ, онъ не перенесетъ ея даже за порогъ дома; ни однимъ словомъ онъ не станетъ ни на ту, ни на другую сторону; на его безстрастномъ лицѣ выразится полное безразличіе, какъ по случаю радостныхъ событій въ домѣ—рожденія, свадьбы, такъ и по случаю домалняго горя—рекрутины, болѣзни, смерти и проч. Единственнымъ дѣятельнымъ участіемъ или „послугй“ Сумона въ семейныхъ дѣлахъ можно считать „стихоміръ рибать“. Когда дѣти вышли изъ

боязливаго повиновенія разнымъ „вѣвамъ“ да „мѣмамъ“, ⁵⁰⁾ матери стращаютъ ихъ тѣрбой и пѣгой Сумона, который „силяиць“ ⁵¹⁾ пугий рибать, дый кладѣць ѹ торбу“. Зная это, Сумонъ между прочимъ спросить: „а ци ня нѣтъ у васъ якихъ ни-ли-будь оглашѣникывъ, ци дурѣникывъ? Кыли ёсь, дыкъ пыдывайца мнѣ ихъ ѹ торбу, кабъ бацьку съ мѣткый слѣхыли“.—„Нѣ, Сумѣничка, пѣрши были—й стихомѣру на ихъ нѣтуди нѣякого, а ципѣрицька ѹсѣ рыхмѣныи“ ⁵²⁾ стали“,—отвѣчаетъ мать. Разумѣется, что „оглашѣники“ и „дурѣники“, давнымъ-давно „давнѣе стракачѣ“, слышать разговоръ Сумона и изъ своихъ потайныхъ убѣжищъ видятъ тѣрбу и пѣгу его. А этого вполне достаточно бываетъ, чтобы на послѣдующее время „стихомѣриць бязѣрыхъ“ ⁵³⁾ рибать“ однимъ именемъ Сумона.

Даже и при такой комической сценѣ лицо Сумона ни на одно мгновеніе не озарялось, какъ и при другихъ веселыхъ случаяхъ. Нужно полагать, что горе цѣлой жизни, одиночество, безродье и безпріютность навсегда согнали съ его лица, какъ и съ души, всякія проявленія радости и веселія. Не смотря на всемѣстный пріемъ и невозбранный ночлегъ въ домѣ, Сумонъ всегда охотнѣе ночевалъ въ „нецѣпкѣ“, ⁵⁴⁾ овинѣ и „дѣзнѣ“, лишь бы поменьше быть съ людьми; лѣтнѣе ночлеги Сумона зналъ одинъ только Богъ. Будучи нелюдимомъ въ отношеніи „добрыхъ людей, своихъ милосцівцывъ“, Сумонъ, какъ и его собратья, рѣшительно ненавидѣлъ другихъ „старцевъ“. По мѣрѣ возможности, они старались не только не встрѣчаться другъ съ другомъ, но и обходили тотъ домъ, гдѣ предполагалось свѣжее посѣщеніе другого старца. Если Сумоны и сходились вмѣстѣ, то на это нужно смотрѣть не какъ на расположеніе къ общительности, а какъ на подчиненіе неизбѣжнымъ обстоятельствамъ. Вопреки общему по Витебской Бѣлоруссіи обычаю привѣтствовать встрѣчнаго добрыми словами и пожеланіями, Сумоны встрѣчаютъ другъ друга не только презрительно-злобно, но нерѣдко посылаютъ по адресу встрѣчнаго такія обращенія: „ци ты йщѣ ня здохъ, старый видьмакъ? Чаму ты ни колѣишь валѣй!“ ⁵⁵⁾ и проч. Но, какъ извѣстно, „сыбѣчча брихнѣ до неба ни дохѣдиць“—и старцы длятъ свой „старѣцкѣй вѣкъ“ наперекоръ задушевному пожеланіямъ собратій.

Быть можетъ, по тѣмъ же причинамъ нелюдимости Сумоны избѣгаютъ церкви, не бываютъ у исповѣди и вообще сторонятся толпы. Хотя сотни Сумоновъ стекаются па кирмашъ, въ храмовые праздники, но они не только не заходятъ въ церковь, но не располагаются даже вблизи ея. Болѣе другихъ почтительные къ панамъ, сельскимъ священникамъ, становымъ, писарямъ, Сумоны почтительно же сторонятся отъ ихъ домовъ и подаваній, предпочитая мужицкій домъ и подаваемую оттуда „милыщинку Христовую“. Здѣсь „старецъ“ часто желанный гость, нужный человѣкъ; здѣсь и самъ онъ чувствуетъ, что приносить пользу, сознаетъ, что получилъ подаваніе не даромъ, а за „работу“.

При будничномъ, заурядномъ теченіи жизни, Сумонъ останавливается и поетъ лѣтомъ подъ краснымъ окномъ со стороны двора, а зимою въ избѣ, слегка въ сторонкѣ отъ единственной входной двери, непременно безъ шапки и всегда стоя, при всѣхъ „торбахъ“ на спинѣ и бокахъ. Кончивъ „призывной спѣвъ“ и „привитавшись“ ³⁶⁾ съ хозяевами неизмѣнно одними и тѣми же словами: „добрый день добрымъ людемъ“, — Сумонъ присаживается или на заваленкѣ, или на концѣ лавки. Здѣсь онъ получаетъ подаванія, здѣсь же ему подносится „страва“, а въ лѣтнюю молочную пору — молоко. На „кирмашѣ“, на храмовыхъ праздникахъ, Сумонъ, какъ и другіе „старцы“, сидитъ на облюбованномъ, изъ года въ годъ, одномъ и томъ же мѣстѣ, безъ шапки, и поднимается на ноги лишь для отправленія „служабки“, или тогда, когда „надоѣли сѣдни“.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что истинные Сумоны есть ничтожное меньшинство „кирмашовыхъ старцевъ“, какъ и собирающихся на сельскіе храмовые праздники ихъ собратій. Назойливое выпрашиваніе „милыщинки“, бѣдность и увѣчье, выставляемые на показъ, и многое другое дѣлаютъ „кирмашовыхъ старцевъ“ далеко непохожими на Сумоновъ, и чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ посмотрѣть Бѣрковицкихъ (Дрисс. у.) старцевъ въ „девятникъ“ (четвергъ 9-й нед. по Пасхѣ): на протяженіи болѣе версты отъ церкви къ часовнѣ, по обѣ стороны дорогъ сидятъ и стоятъ, то группами, то въ одиночку, эти „старцы“; вокругъ же часовни располагаются тѣ изъ нихъ, кто имѣетъ выдающіяся „калѣцтвы“, чѣмъ и ста

раются бить въ глаза сердобольнымъ богомольцамъ. Тутъ можно увидѣть разслабленнаго, съ зіяющими, гноящимися ранами, безрукаго, безногаго, съ искривленными и вывороченными руками и ногами, со свернутыми насторону скулами съ отвратительными колтупами на головѣ и бородѣ. Почти, всѣ эти калѣки лежатъ или сидятъ; они не поютъ и не просятъ подавнія, такъ какъ многіе изъ нихъ лишены способности выражать человѣческіе звуки; собственники, владѣльцы, такъ сказать, этихъ „калѣцтвъ“ только указываютъ на нихъ проходящимъ рукой и тѣмъ молчаливо, но выразительно, просятъ подавнія.

Среди „спѣвающихъ“ и просящихъ „старцевъ“ тутъ можно увидѣть краснощекихъ усачей изъ смежнаго Дисненскаго уѣзда; они „чинятъ спѣвы по кантычкахъ“⁵⁷, съ полупольскою рѣчью, причемъ на разостланной холстинѣ передъ нѣкоторыми изъ нихъ стоитъ или „крыжъ съ рыспяцѣмъ“⁵⁸, или кукольная фигура какого-нибудь святого. Нѣсколько въ сторонѣ отъ „старѣцкой дороги“ сидятъ въ кибиткахъ богатые „жебраки“ (нищіе). Они прибываютъ сюда на собственной подводѣ, съ семьей и своимъ имуществомъ. На передкѣ телѣги стоитъ застланная „скрыня“ (сундукъ) съ „крыжемъ“ и горящей на ней свѣчою, а передъ такимъ алтарикомъ сидитъ въ кибиткѣ по восточному „панъ-жебракъ“, и тоже чинитъ „спѣвы по кантычкѣ“. Обыкновенно къ такимъ „старцамъ“ подходитъ поминать „рѣдицу“ развѣ мелкая, но „гонорѣвая“ шляхта; мужикъ же сторонится отъ „жебраковъ“ и охотнѣе направляется къ Сумонамъ.

Трудно съ точностью указать число „кирмашѣвыхъ“ старцевъ“, прибывающихъ, напр, въ Борковичи, какъ и другія „кирмашныя“ мѣста. Народъ увѣряетъ, что на нихъ, какъ и на грибы, есть особый урожай, и что въ этомъ смыслѣ „годъ на годъ не приходится“. Дѣйствительно, въ 1871 году, на примѣръ, я насчиталъ ихъ до 300, тогда какъ въ 1885 году было немногимъ больше 200 человѣкъ. Во всякомъ случаѣ и эти числа почтенны; но они отвѣчаютъ народнымъ потребностямъ, и именно вотъ почему. Стоитъ вспомнить какое-нибудь „солдатское письмо“: если въ немъ не прописано съ однообразными повтореніями, „еще кланіюсь любезной тетускѣ Гану-

лѣ и посылаю съ любовію низкій поклонъ“, то отправитель и получатели сочтутъ письмо неполнымъ, горделивымъ, невнимательнымъ къ роднѣ. Нѣчто подобное происходитъ въ народной жизни на „кирмашахъ“ и храмовыхъ праздникахъ. Церковное богослуженіе въ эти дни слишкомъ общественно, и мужикъ высчитываетъ, что лично на его долю, долю умершихъ сродниковъ, изъ общей молитвы приходится очень немного, тѣмъ болѣе, что въ такой выдающійся день „свѣд-ки“ ³⁹⁾, какъ и онъ самъ, не слышали поименнаго помина. Этотъ пробѣлъ восполняютъ Сумоны, или лучше—„кирмашовые старцы“ за недорогую сравнительно плату. Вотъ въ значительной мѣрѣ та причина, которая привлекаетъ „кирмашовыхъ старцевъ“. Нужно сказать, что ни одинъ изъ нихъ не потратилъ времени даромъ, не ушелъ съ „кирмаша“ съ пустою торбой.

Самое горячее время для „кирмашовыхъ старцевъ“ есть время отъ начала церковнаго богослуженія и до выхода богомольцевъ изъ церкви. Вслѣдъ за отъѣзжающими и уходящими богомольцами расходятся и „старцы“, оставивъ надолго слѣдъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они сидѣли и „ёрзали“, такъ что народъ привыкъ вѣрить, что „на мѣстѣ старецкой стоянки и трава не растетъ“.

Что сказано о Борковицкихъ старцахъ, почти то-же слѣдуетъ сказать обо всѣхъ „кирмашовыхъ старцахъ“ въ разныхъ мѣстахъ Витебской Бѣлоруссіи. За исключеніемъ „жебраковъ“, я видывалъ одно и то-же въ Жеребычахъ (въ Петровск. пятницу), въ Кармелитахъ (25 іюля), Фалковичахъ (15 авг.), въ Сиротинѣ (2 іюля). Въ этихъ бойкихъ мѣстахъ можно встрѣтить „старцевъ“ даже болѣе, чѣмъ въ Борковицахъ, куда послѣ памятнаго „монастырскаго времени“ перестали ходить „Махировскіе старцы“ — цѣлая деревня отъ мала до велика, еще и теперь удержавшая въ окрестномъ населеніи укориженную кличку „Махировскихъ старцевъ“.

Къ характеристикѣ „кирмашовыхъ старцевъ“ я считаю не лишнимъ привести комическое происшествіе съ Сиротинскими „старцами“, еще и теперь не изгладившееся изъ памяти богомольцевъ и посѣтителей Сиротинскаго „кирмаша“. „Старцы“ во множествѣ заняли большой и крѣпкій мостъ чрезъ

р. Черницу; но онъ не выдержалъ и съ сотнею „спѣвающихъ“ и просящихъ упалъ въ воду. Понятно, что кутерьма вышла невообразимая; мелкая въ это время (2 іюля), хотя и „бузьяная“ ⁶⁰⁾ рѣка не приняла жертвъ, и „старцы“ отдѣлались испугомъ, крикомъ, да незначительными ушибами.

Выше я сказалъ, что истинные Сумоны составляютъ ничтожное меньшинство „кирмашѣвыхъ старцевъ;“ я мало погрѣшу, сказавъ, что они исчезаютъ изъ среды своихъ собратій не „кирмашѣвыхъ“ только, а и вообще „хожалыхъ;“ по крайней мѣрѣ, современная жизнь не выдвигаетъ Сумоновъ, какими ихъ знавали лѣтъ 30, 40 тому назадъ. На смѣну чтимаго Сумона являются „старцы“ съ позорнымъ своимъ прошлымъ и съ не менѣе позорнымъ настоящимъ. Красноносые, съ сифилитическими поврежденіями на лицѣ, развратники въ грубомъ смыслѣ, съ фальшивыми тѣлесными поврежденіями, завѣдомые воры, съ бѣгающими глазами, съ небрежными и короткими „спѣвами“,—они не привлекаютъ къ себѣ народнаго расположенія и нерѣдко выходятъ изъ дому безо всякаго подаянія. Мало того: ихъ встрѣчаютъ и провожаютъ тщательнымъ присмотромъ, „кабъ чагѣ ни сдѣлали“, ⁶¹⁾ такъ какъ эти „старцы“ не прочь снять съ гнѣзда насѣдку и промѣнять ее на водку въ первой попутной корчмѣ. Они научились сбывать простые рѣчные камешки и простую воду за предметы изъ отдаленныхъ святыхъ мѣстъ. А что ненавистнѣе всего въ „старцахъ“ новаго типа, это—связь ихъ съ ворами и конокрадами, которымъ они сообщаютъ нужные свѣдѣнія, не „давая маху“ и сами. Другіе изъ нихъ ходятъ въ обожженной одеждѣ, или ѣздятъ на обожженной лошади, прося „на погорѣлое“. Видимые знаки несчастья подвинуть сердобольцевъ на сугубое подаяніе; но тутъ же скоро простаки узнаютъ иногда, что ихъ подаяніе пропито въ корчмѣ, или что посѣщеніе „старца“ послужило причиною къ совершившейся кражѣ. Ничего подобнаго не допускалъ хотя бы даже „умысли“ ⁶²⁾ Сумонъ, а также скромный его „повадырь“, и мужикъ чтилъ его, какъ посланника Божія, подозрѣвая въ „старцѣ“ то святого угодника, то самого Бога. Правда, еще и теперь мужикъ засѣваетъ „на старцыву дѣлку“, хранить „збѣжже дѣли старцывъ“, поджидая Сумона; но нарочитое

„старѣцкая чарплѣ“ и ковшъ все рѣже и рѣже опускаются отъ „засика“ ⁶³⁾ къ торбѣ, потому что „няхцівыи и низай-здрѣсныи“ ⁶⁴⁾ Сумонъ медлитъ своимъ періодическимъ приходомъ, а скоро почитатели Сумона чистосердечно скажутъ, какъ и онъ много-много разъ говорилъ о покойникахъ своего отдаленнаго времени: „вѣчны яму покой и чарьсты набѣсны!“

III.

Другой исчезнувшій типъ профессиональных „старцевъ“, названныхъ выше „притѣмными“, представляютъ „богадѣльныя бабы.“ Хотя богадѣльни, какъ пріюты для безпомощныхъ стариковъ и старухъ, существуютъ и по сей день въ городахъ и выдающихся поселеніяхъ всей Россіи, хотя въ нихъ доживаютъ остатокъ дней своихъ сотни лицъ, но эти богадѣльни не тѣ, въ которыхъ когда-то жили „богадѣльныя бабы,“ не тѣ и по ихъ, такъ сказать, топографическому положенію и по образу жизни ихъ жильцовъ. Почти каждое небольшое село въ Витебской Бѣлоруссіи имѣло такія богадѣльни вблизи церкви, рассчитанныя на пріютъ отъ пяти до десяти лицъ, и исключительными жильцами этихъ богадѣленъ бывали безродныя, безпомощныя старухи. Онѣ содержались добродетельными приносами сердобольцевъ, сборомъ „мѣлысцинки Христовой“ въ приходскихъ деревняхъ, на церковной паперти, и въ свою очередь „чинили спѣвы и поминанья,“ но только въ своемъ богадѣльномъ углу. Если богадѣльня создавалась сердобольнымъ мѣстнымъ паномъ, то въ дополненіе къ случайному, а потому и неопредѣленному содержанію богадѣльныхъ бабъ, на каждую изъ нихъ отпускалась изъ панской экономіи „гарцѣвая андыляря,“ ⁶⁵⁾ да валежникъ на топливо.

Слѣдуетъ сказать, что всѣ видѣнныя мною богадѣльни въ Витебской Бѣлоруссіи такъ похожи были одна на другую и своимъ вѣшнимъ видомъ и внутреннею жизнью жильцовъ, что описаніе одной изъ нихъ цѣликомъ можетъ характеризовать и всѣ остальные. А потому я остановлюсь въ своемъ воспоминаніи на богадѣльнѣ въ с. Веляшковичахъ (Витеб. у.),

извѣстной мнѣ съ отдаленнаго дѣтства до окончательнаго исчезновенія ея въ 70-хъ годахъ.

Когда и кѣмъ именно построена была Веляшковичская богадѣльня, я не умѣю сказать. Весной 1852 г. я засталъ ее не новою, поддерживаемою постоянною починкой. Проѣзжіе и прохожіе по большой дорогѣ въ мѣстечко Яновичи, вѣроятно, помнятъ эту богадѣльню среди села, съ лѣвой стороны дороги: она была одного типа съ близлежащею мѣстной корчмой, т.-е. бревенчатая изба, гребень которой былъ покрытъ соломой, а остальная часть крыши—дранью, чего не было на другихъ сельскихъ постройкахъ. Тѣ же проѣзжіе и прохожіе помнятъ вмѣстѣ со мною, что въ сторону къ дорогѣ богадѣльня имѣла холодныя изъ половинника сѣни, передъ которыми лежалъ „гѣаныкъ“ (крыльцо) въ три ступеньки. Ужъ въ то время „гѣанычныя моснічины“ были гнилы и „ѣрзали“ подъ ногами. Надъ входною дверью прибита была въ лучинныхъ рамкахъ полуистлѣвшая и выцвѣтшая картина на тему притчи о Лазарѣ, который изображенъ былъ въ нижнемъ лѣвомъ углу въ полулежащемъ положеніи, съ клюкою въ рукѣ и двумя псами у ногъ; въ правомъ же нижнемъ углу, съ поднятыми вверхъ руками и головой, въ пламени, изображенъ былъ богачъ; здѣсь же, надъ высотой пламени, виденъ былъ старецъ Авраамъ, державшій на колѣнахъ длинноногую душу Лазаря. Сколько содержаніемъ, столько отчасти и выполненіемъ картина производила впечатлѣніе и располагала къ дому и жильцамъ его. Сѣни раздѣлялись досчатою перегородкою съ дверью, за которою находилась „старѣцкая клѣтъ;“ другая дверь влѣво вела къ бабамъ въ богадѣльню. Земляной полъ ея, двѣ лавки вдоль стѣнъ, столъ на кѣзлахъ въ правомъ углу, ручные жернова у порога, „поль“ (нары) вдоль задней стѣны и, кажется, полати надъ „пѣломъ“ цѣликомъ напоминали крестьянскую избу того времени, отличаясь отъ послѣдней однимъ развѣ „кѣминомъ“ (печная труба). Почти глухія, никогда не отворявшіяся окна, земляной полъ, проквашенный то разлитой при умываньи водою, то помоями, то нечистотами тѣхъ, кто „пыдъ сябѣ ходивъ,“ то мокротами и плевыми, „старѣцкіи скѣрбы,“ никогда не провѣтривавшіеся, сухари въ мѣшкахъ, залежавшееся мясо и сало, прѣющая мокрая одежда, бѣлье,

онучи, лапти, наконецъ, зловонныя раны у нѣкоторыхъ,—все это создавало особый специфическій запахъ, который такъ и назывался „богадѣльнымъ пахомъ.“ Этотъ „пахъ“ далеко былъ слышенъ, и стоило просидѣть въ богадѣльнѣ четверть часа, чтобы на сутки и болѣе привить его къ одеждѣ. Въ осеннюю и весеннюю пору „богадѣльный пахъ“ принималъ какъ бы спиртуозность и дѣйствовалъ одуряюще на свѣжаго человека. Сами бабы не понимали этого „паха“, сколько по отсутствію обонянія у нѣкоторыхъ изъ нихъ, или вслѣдствіе обильнаго насыщенія носа нюхательнымъ табакомъ, столько и по привычкѣ, такъ какъ уйти отъ „паха“ было некуда, развѣ въ могилу. Но она медлила пріемомъ бабъ, и нѣкоторыя изъ нихъ заживались за 100 лѣтъ.

Въ такомъ пріютѣ богадѣльныя бабы, каждая отдѣльно, производили ежедневную стряпню, своей „брѣдостью“⁶⁶⁾ превосходящую всякую стряпню, какъ бы неряшливо ни была она сдѣлана. Полуслѣпая, морщинистая, согнутая, въ черной отъ грязи рубашкѣ и „сподніцѣ“, стряпуха вынимаетъ изъ „скарба“ нѣсколько хлѣбныхъ сухарей, кладетъ ихъ въ горшокъ, наливаетъ водой, солить по вкусу, „закрашиваетъ“ залежавшимся кускомъ сала, или мяса и ставитъ горшокъ въ печь. Спустя недолгое время получается скороспѣлое, незатѣйливое кушанье—„чикуляда“ (шеколадъ), и хозяйка присаживается къ теплой „стравѣ“ или за столомъ или на „полу“. Обѣденные остатки она ставитъ въ печь на „вячѣру“, во время которой, какъ и за обѣдомъ, ѣсть непосредственно изъ горшка. Самый горшокъ, добытый подаяніемъ, рѣдко вымывался до конца печальныхъ дней своихъ. Сегодня въ немъ варилась „чикуляда“, завтра будетъ вариться „крупѣня“, „пѣливка“, капуста,⁶⁷⁾ кисель изъ добытыхъ подаяніемъ припасовъ, залежавшихся сперва у дателей, а затѣмъ у самихъ бабъ. Случалось иногда, что къ обѣду или „вячѣры“ подоспѣвало харчевое людское подааніе какого-нибудь проѣзжаго, прохожаго, прибывшихъ въ село кумовей, или поминавшихъ за обѣдней своихъ умершихъ родичей. Чрезъ такое внезапное обогащеніе бабьяго стола приготовленная „страва“ сберегалась до другого дня и становилась „перенѣчною“; разогрѣтая и подправленная „присмаками“ или „закрасою“,⁶⁸⁾ она служила

столовымъ потребностямъ слѣдующаго дня. Но, Господи! что это за „страва“ была! Къ этому прибавлю, что въ то время, когда одна изъ нихъ ѣла свою „чикуляду“ или „страву“, сосѣдка чесала свою „старѣцкую голову“ и тутъ же рядомъ была въ изобиліи падающихъ „старѣцкихъ вѣшій“.

Внутреннему неурядиству богадѣльни почти вполне соотвѣтствовалъ и внѣшній видъ ея, тѣмъ болѣе, что для отправленія естественныхъ нуждъ богадѣльныя бабы не отходили далеко, а кромѣ того, такъ какъ богадѣльня не была огорожена, то деревенскій скотъ безпрепятственно ходилъ кругомъ.

Не смотря, однако, на все это, богадѣльня не обходилась посѣтителями: поминавшіе въ церкви родичей, кумовья съ младенцемъ послѣ „кста“, „свадѣбники“ ⁶⁹⁾ отправляли тутъ иногда „закусочный столъ“, предпочитая богадѣльню сосѣдней корчмѣ. То же бывало и зимнею порой, при многочисленномъ стеченіи богомольцевъ, которые заходили сюда обогрѣться, а послѣ обѣдни—закусить. Кромѣ того въ богадѣльню заходили сердобольные люди съ исключительною цѣлью—подать бабамъ „милысцинку“ или помянуть „срѣдничкувѣ“, подобно тому, какъ это дѣлалось по отношенію къ Сумонамъ. Входить, примѣрно, такой сердобольецъ въ богадѣльню и „витайтца“ съ богадѣльными бабами:

— Якъ маіицися ⁷⁰⁾, бабыньки? ци дужаньки, ци здорѣвиньки?

— Хула́ Божухну, трѣху мадѣимъ ⁷¹⁾, сыты й прикерыты, кормилецъ нашъ (или кормицилка). Якъ вы тамъ спыжи-ваиця?—отвѣчаютъ бабы, не трогаясь съ мѣстъ.

— Нѣшто жъ (что-то) у васъ дужа сцюдѣненько (зимою): озызыцы можно. Мѣсиць, топиць линицѣся?

— Якѣя, кормилецъ, линицѣся! ёдыныя стужа—броні́ Ты, Госпыди, а йдѣ жъ ётую стодѣлу ⁷²⁾ натѣписся?

— А ци давно, бабыньки, спива́ли? Можа й пѣць забылиси?

— Якѣя, кормилецъ, давно! ся́нни (сегодня) спивали два разы; а мо́жа и ў трѣ́ци дыва́дѣ́тца!

— Ну, кылі́ жъ ужъ вы такъ уха́ѣилиси, дыкъ сыбярѣ-циси-тка, бабыньки: мы́я хы́зайка прислала вамъ того-сяго ны помѣ́нъ.

— Чаму жъ ни сыбра́нца? Улля́нъ! Матру́нъ! Пѣкль! (Өек-ла). Гука́йця ⁷³⁾ усихъ моли́цца!..

Съ печки, полатей, „пола“, изъ-подъ нагрѣтыхъ кожуховъ и сѣрмягъ выползають слѣпыя, сгорбленныя, на костыляхъ и клюкахъ разныя Лѣбшихи, Маіорихи да Улляны. Самый „звывдай“ ⁷⁴⁾ постилаетъ столъ скатертью и зажигаетъ свѣчку въ божницѣ; тѣмъ временемъ бабы устанавливаются передъ столомъ и разбитыми старушечьими голосами поютъ въ унисонъ сперва Лазаря, а по окончаніи его „чинять поминъ по сробничкымъ“, отличающійся отъ Сумоновскаго помина развѣ только нестройностью голосовъ. Лазарь богадѣльных бабъ почти ничѣмъ не отличается по содержанію отъ старецкаго Лазаря вообще, и я полагаю, что изъ нѣсколькихъ, имѣющихся въ моемъ распоряженіи варіантовъ этой излюбленной старецкой цѣсни достаточно будетъ привести одинъ: ⁷⁵⁾.

Ой, якъ живъ славный быгатырь.

Сыбиравъ бисѣдычку быгаты...

Бывъ жа у быгатыго ды братъ Лазырь,

И ёнъ пойшовъ къ быгатыму брату,

Прыйшовъ жа ёнъ къ быгатыму брату:

— „Браццѣ, мой браццѣ, славны быгатырь!

„Напой мою душаньку, напой, выпитай:

„А мыя—жъ-то душанька нацярпѣлыся гóлыду й хó-
Крикнувъ быгаты громкимъ гылосо́мъ: [лыду!..“

— „Сойди ты, сквирнявы, сы мойго двыра!

„У мине такихъ браццѣвъ и зъ-роду ни бу́ло:

„Минѣ ма́ця ро́дымъ одного спыродила,

„Счаслі́вый до́лькый ны́дялила.

„Ёсь у минѣ бра́ццѣи полѣпши цибе́й быгачѣ́й минѣ,..

„Ай, ды слуги мои вырныи! Возьми́ця сы двыра́ мойго́

„Етыго старца ни́щиго, сквирнюка́ осли́злыго;

„Вяди́ця старца ни́щиго за кра́пки выры́та;

„Нихай два лю́тыи хорты, яго́ два родныи браты́,

„Кóрмюць—прыпита́юць, яго́ й душ́у сыгрива́юць!..

Хорты́ то́я учува́ли, пы́дъ за-сто́ллю упывзали,

Кры́шки ⁹⁸⁾ зъѣ́дки сыбирали, Лазарё́вудушу́ й прыпитали,

И гнойны раны зылизáли...

Ставь жа Лазырь Богу моли́цца й моли́тву чини́ць

[правидную:

„Прыми, Госпыди, мою душаньку ды святѣй своей
успыкаинни:

„Якъ мыя жъ то душанька ныцярпѣлся голыду й холыду.“

Учувъ жа Господь Богъ да молитву ягѡ правидную,
Знипыславъ ды Господь Богъ ажъ двухъ янгилій:

„Идиця вы, янгили, на ту́ю й замлю́,

„Возьмиця вы, янгили, Лызарѡвую душу́,

„Укруциця й душаньку ў чисту, тонку пилянў,

„Нясиця вы душаньку лёгко й рыдоснѡ,

„Садияця вы й душаньку ў рай прасвѣтлый!

Ни хвалитца Лазырь быгѡдцимъ своимъ,

Ды хвалитца Лазырь мукой ўсѡ своей...

Сбирався быгаты пѡля пылюваць:

Сбиравъ жа быгаты роту й пышную,

Нысыпавъ быгаты злѡто, сирабрѡ,

Зыбиравъ быгаты жану и съ дяцми,

Зыбиравъ быгаты роту сыдатовъ,

И бравъ жа быгаты два лютыи хорты.

Садився быгаты на дыбра кыня,

Пыхвалявся быгаты быгѡдцимъ своимъ:

„Никѡго на свѣци я ни боюся:

„Отъ лютого звѣря хортомъ одборонюся,

„Отъ злого чиловѣчка грѡшимъ откуплюся,

„Отъ Бога я слѡвымъ одговоруся“!..

Якъ ўзнялися буйныи вятры—

Схапили быгатыго сы дыбра кыня,

Вдарили быгатыго объ сырую замлю́!

Пышныя рота рыступилися,

Живѡ й съ дѣткыми пы міру пыйшла,

Злѡту й сѣрибру вятрѡмъ рызмялѡ;

Добрыи кони пы лугахъ пошли,

Два лютыи хорты пы лясѡ пойшли,

Отстався быгаты ны сырѣй замли́...

Зычавъ жа быгаты молитву чиниць,

Молитву чиниць, ды ниправидную:

„Прыми, Госпыди, мою душаньку

„Ды раи́ Своей прасвѣтлы:

[ўходила.

„Якъ мыя жъ-то душанька смѡчно ўпила, ўѣла, хырошо

„Ни знавъ я а ни холыду, а ни голыду“...
 Учувъ жа Господь Богъ ды молитву ниправидную:
 Пыдняло быгатыго повышѣй того,
 Ударило быгатыго пыкрапчѣй того.
 Знипыславъ Господь Богъ ды двухъ ўрагѡвъ ⁷⁶⁾:
 „Идиця вы, ўраги, на тую й замлю,
 „Возьмиця вы, ўраги, быгатыго ды й душу
 „Съ правыго боку мѣдинымъ крукомъ,
 „Зъ лѣвыго боку залѣзнымъ крукомъ;
 „Усторниця душу ны рожѡныкъ ⁷⁷⁾,
 „Несиця душу круця ды вирця;
 „Кидайця душу ў огнёвую раку,
 „А йдѣ ёсь огонь-полымя“...
 Увидивъ быгаты брата Лазыра,
 Ставъ быгаты Лазыра, просиць:
 „Ой, браця мой, браця! Одна насъ маця родила,
 „Однэй сисъкый ўскормила, разный дѡлькый выдалила:
 „Минѣ выдалила быгаццимъ большимъ,
 „Цибѣ выдалила мукый большэй.
 „Такъ ба й жиць, такъ ба й быць, ды ни наша на то
 „Охъ, браця мой, браця Лазырь! [волька...
 „Примокни хуць мѣзиный палиць ў крыничную воду ⁷⁸⁾,
 „Притуши-жъ ты огонь-полымя хуць ны одинъ часокъ,
 „Ни дывай ты, брацитка, ўсяму гору гырываць“!..
 Гыварывъ жа Лазырь брату свыаму:
 „Охъ, браця мой, браця, славны быгатырь!
 „У цибѣ-жъ-то брата Лазыра й зъ-роду ни булѡ:
 „Цибѣ маця рѡдымъ одного спыродила...
 „Ўсходивъ я, брациць, на ширѡки твой дворъ—
 „Сгынявъ жа ты, брациць, мине сы двыра...
 „А я жъ ба, брациць, на ёта ни ўпывавъ:
 „Сходивъ ба я, брациць, кы быстрѣй рацѣ,
 „Пымочивъ ба я, брациць, по локыць руку,
 „Спытушивъ ба я, брациць, огонь-пылымъ;
 „Ды ни моя тутъ волька—волька Бога сымого“!..
 — Абрамъ, Божи чировѣкъ! Сыпусци ты мине на ёту
 — Усѣ своё быгаця рыспрыдамъ, [замлю:
 — Усѣ своё быгаця старцымъ рыздамъ.

Якъ кры́кницъ Абрамъ крѣпкимъ гылосо́мъ:

„Сяди ты, быгаты, дѣ ципѣръ сядишь;

„Уживай ты ⁷⁹⁾, быгаты, што душѣ ўгутувавъ,

„Што нищихъ-старцевъ ты николи ни знывавъ!..

Пока „богадѣльныя бабы“ поють Лазаря, „кормилецъ“, или „кормицилка“ сидитъ то на лавкѣ, то на „пирадкѣ“ ⁸⁰⁾ опершись на столъ, съ понуренною головою, вздыхаетъ и изрѣдка крестится. Когда же наступитъ очередь поименнаго поминанья умершихъ сродниковъ, то здѣсь почти цѣликомъ повторяется то, что сказано мною о Сумоновскомъ поминѣ. Однако, богадѣльныя бабы не умѣли спѣть всѣхъ потребныхъ „спѣвовъ“: такъ, онѣ не могли пѣть ни о здравіи, ни объ урожаѣ и плодovitости скота, ни о наказаніи „злобника“. Этого, впрочемъ, и не требовали сердобольцы, зная короткій бабій умъ. Послѣ помина „кормилецъ“ раскошеливался и клалъ на столъ свои припасы: кусо́къ сала, мяса, цѣлый хлѣбъ, груды блиновъ, муку, крупу, горохъ, бобъ и прочіе припасы, а иной подносилъ и рюмку водки, на которую падки бывали покойницы. Нужно отдать справедливость, что бабы рѣдко спорили изъ-за дѣлежа приношеній, кои съ предусмотрительною осторожностью и всегда равномѣрно распредѣлялись между ними „зывыдаемъ“ — избранною старицей, облеченною довѣріемъ всѣхъ бабъ. Но все же бывали случаи недовольства: тогда бабы ругались и ссорились до крайности, заканчивая брань „кѣйка́ми“.

Случалось иногда, что „богадѣльныя бабы“ поминали почти подневольнымъ образомъ, въ неподходящее на то время, а именно: подгулявшіе въ сосѣдней корчмѣ пріятели, вспомнивъ мимоходомъ въ бесѣдѣ про своихъ умершихъ сродниковъ, тутъ же, не откладывая дѣла, шли въ богадѣльню съ водкой и закуской и поднимали на ноги часто уже сонныхъ бабъ.

Неоднократный опытъ показалъ, что сношеніе съ такими сердобольцами бываетъ и опасно и выгодно вмѣстѣ. А потому, при появленіи ихъ, богадѣльныя бабы дѣлали все „чу́й духъ“! т. е. съ возможною поспѣшностью и предупредительностью. При неблагопріятномъ условіи бабы пѣвали и поминали до изнеможенія; имъ не платили за трудъ, „косці-

ли на чѣмъ свѣтъ стойць“, — словомъ, „здѣкались“ ⁸¹⁾ надъ беззащитными старухами. За то въ противномъ случаѣ ихъ ждали не одно только щедрое денежное подаваніе, но и рюмка-двѣ водки. Про такіе «помины» бабы долго не забывали, то порицал, то хваля своихъ „милосцивцевъ“.

Однако, не все же, конечно, богадѣльныя бабы сиднемъ-сидѣли въ своемъ пріютѣ: въ воскресные и праздничные дни онѣ появлялись на церковной паперти, а по окончаніи обѣдни обходили закусывающихъ богомольцевъ; въ свою очередь онѣ появлялись при отпѣваніи и погребеніи покойника; нѣкоторыя изъ нихъ приглашались „ображаць нябѣщика“, ⁸²⁾ или быть сидѣлками при немъ; лѣтнею порой болѣе дюжія бабы ходили собирать ягоды и грибы. Наконецъ, ихъ можно было видѣть за сборомъ подавій въ приходскихъ деревняхъ, куда бабы отправлялись по приглашенію „милосцивцевъ“ то группами, то въ одиночку и весьма рѣдко—въ полномъ составѣ. Последнее появленіе богадѣльныхъ бабъ бывало событіемъ и предвѣщало, по примѣтамъ мѣстныхъ жителей, хорошую наступающую погоду. Во всѣхъ своихъ выходахъ бабы высматривали наряднѣе и бывали безъ „тѣрбочекъ“, а полученное подаваніе онѣ помѣщали въ карманы, за пазуху, въ уголь «хустки» (платка), фартукъ и подолъ верхней одежды. Зрячія вели слѣпыхъ товаровъ своихъ не на „моторкѣ“, а за руку, или придерживая за рукавъ. Вообще же подобные выходы богадѣльныхъ бабъ не имѣли характера „старѣцкихъ ходѣвъ“, и зависѣло ли это отъ богадѣльныхъ традицій, или находилось подъ вліяніемъ панской воли—я не умѣю отвѣтить.

Взаимныя отношенія „богадѣльныхъ бабъ“ не трудно угадать, припомнивъ, что это, во-первыхъ, женщины, въ предшествовавшей жизни не имѣвшія между собою ничего общаго, а, во-вторыхъ—потертыя жизнью и истрепанныя ею до того, что дальше богадѣльни имъ некуда и итти. Жилицы представляли нѣчто похожее на котовъ, посаженныхъ въ туго завязанный мѣшокъ. Подъ неумолчное ворчанье и ругань засыпали и просыпались онѣ, варили свою „чикуляду“, ѣли ее и отправляли разныя бабьи дѣла. И изъ-за чего онѣ ссорились? Изъ-за мѣста за столомъ, на „полу“, полатахъ, печкѣ, изъ-за поданныхъ крохъ, за лишнюю ложку воды, разбитый

черепокъ и прочія мелочи. Когда не донималъ языкъ, бабы вцѣплялись въ сѣдья головы другъ дружкѣ, или пускали въ ходъ „старецкіи кійки“, такъ что мирные сельчане принуждены бывали иногда разнимать бабъ „отъ забойства“ и такъ, или иначе умиротворять ихъ. Здѣсь, какъ и у „хозялыхъ старцевъ“, не имѣли мѣста проявленія человѣческой радости ни смѣхомъ, ни улыбкою, въ отношеніи другъ къ дружкѣ и къ стороннимъ.

Впрочемъ, я помню одну изъ бабъ, Лѣбшиху, которая была болѣе способна воспринимать и отражать на своемъ лицѣ горе и радость. Брошенная на произволъ мужемъ, она питала нѣкоторыя надежды на единственнаго сына. Но этотъ дюжій, 40-лѣтній мужикъ оказался ни къ чему неспособнымъ изъ-за неодолимой лѣни. Тогда мать, вступая въ предпоследній притонъ, богадѣльню, благословила сына „у чужіи гыроды“ ⁸³⁾, на то-же нищенское ремесло, за которое и сама принялась. Сынокъ махнулъ въ Витебскъ, откуда по временамъ присылалъ матери сыновній поклонъ да нищенскій калачъ. Лишь только бывало войдешь въ отчій домъ по пріѣздѣ изъ Витебска, Лѣбшиха точно изъ земли вырастетъ и неотступно просить свѣдѣній о своемъ сынѣ. Въ утѣшеніе старухи сплетишь какую-нибудь небылицу, въ родѣ того, что сынъ здоровъ, прислалъ поклонъ и гостинецъ (даешь городской калачъ), что онъ ходитъ по городскимъ улицамъ съ большими „торбами“, наполненными подаваніемъ, и ѣстъ „сѣт-никъ“ ⁸⁴⁾, но что съ нѣкотораго времени неразлучно съ нимъ бродитъ какая то молодая „старчѣвка“. При первой половинѣ сообщенія слѣпое морщинистое лицо старухи складывалось въ дѣйствительную улыбку; при второй же старуха нешуточно плакала и говорила: „на што ўжу яму ёто?! живъ ба однѣй гыловой, кыли Богъ жиццѣ пыславъ!“ Еще больше оживлялась Лѣбшиха, когда ея оборвышъ приходилъ къ матери въ гости. Нѣсколько раньше Лѣбшихи жила и умерла въ богадѣльнѣ Маіориха, какъ увѣряли, жена мужика, дослужившагося до маіора, который послѣ этого не захотѣлъ знать своей жены. Она, однако, все время ждала мужа, радовалась нелѣпымъ вѣстямъ о его возвращеніи и улыбалась при мысли о предстоящей съ мужемъ жизни... Но на подоб-

ныхъ проявленіяхъ душевныхъ волненій у богадѣльныхъ бабъ, пожалуй, и обочтешься.

Кажется, что онѣ съ гораздо болѣе озлобленною ненавистью относились къ Сумонамъ и къ „кирмановымъ старцамъ“, чѣмъ эти послѣдніе другъ къ другу. А потому наиболѣе „рыхманьи“ изъ нихъ сторонились отъ этихъ „злюкъ“ болѣе, чѣмъ отъ сельскихъ собакъ.

Почти та-же озлобленность сказывалась въ отношеніяхъ богадѣльныхъ бабъ и къ мирнымъ сосѣдямъ. Часто случалось, что онѣ поступали на добровольную службу во враждебный лагерь. Тутъ бабы становились достойными проводниками всего, что желательно было сторонѣ, и главное—онѣ дѣлали это съ увлеченіемъ, благо есть надъ чѣмъ чесать языки. Нетрудно догадаться, какъ жилось отъ этихъ непобѣдимыхъ враговъ оклеветанному, который не разъ посылалъ свои проклятія этому адскому гнѣзду на землѣ, желая видѣть на его мѣстѣ груды пепла. Но этого не случилось, а произошло хотя и медленное, зато вѣрное исчезновеніе богадѣльни и богадѣльныхъ бабъ подъ вліяніемъ другихъ причинъ.

Какъ только стали носиться болѣе опредѣленные слухи о волѣ, то безродныя и безпріютныя бездомницы напрягали всѣ свои силы, чтобы не встрѣтить ея въ „Лазаревомъ гнѣздѣ“, а такъ-называемыя „бѣглыя“ потянулись на родину. Разумѣется, это обстоятельство не помогало пополненію богадѣльной убыли, т. е. не находилось замѣстительницъ умершихъ бабъ. Тутъ же скоро въ богадѣльнѣ пріютилась на время здоровая солдатская вдова съ нѣсколькими дѣтьми „колыглазами“ ⁸⁵⁾ а когда она устроилась на отдѣльномъ жителствѣ, то на смѣну солдаткѣ, за неимѣніемъ квартиры, помѣстилась вдовая просфорня съ дѣтьми. „Колыглазы“ просто духъ вынимали у оставшихся бабъ и въ то же время находились подъ охраною своихъ здоровыхъ матерей. Сколько тутъ пролилось старунечьей желчи; сколько подавлено было безсильной злобы! И все это вело къ сокращенію бабьей жизни, къ уменьшенію числа богадѣльныхъ бабъ. Просфорню и ея „колыглазовъ“ устроили на отдѣльной квартирѣ, за то вслѣдъ за выходомъ ея богадѣльню заняли подъ новоучрежденную „волоськю“ ⁸⁶⁾, пока отстраивался

домъ, а „сбитыхъ съ пынтальку“ бабъ на то же время помѣстили въ старой банѣ. Правда, по минованіи надобности, богадѣльня снова отдана была въ распоряженіе бабъ; но на „старь“⁸⁷⁾ явились только двѣ-три уцѣлѣвшія богадѣльныя бабы, чтобы въ скоромъ времени перейти отсюда въ могилу. Благодаря новому строю жизни, новыхъ жилищъ богадѣльни не объявлялось, и богадѣльное мѣсто составило часть огорода, кажется, корчемнаго.

Почти такое же исчезновеніе „богадѣльныхъ бабъ“ произошло на моихъ глазахъ и въ селѣ Махировѣ (Полоцк. у.), гдѣ послѣдняя жилица, Тѣфилиха, найдена была полумертвою на растопленной ея родственницей богадѣльной печи, съ обожженнымъ бокомъ, вслѣдствіе растрескавшейся съ давнихъ поръ и полуразвалившейся печи. Такова приблизительно была судьба и прочихъ богадѣленъ съ ихъ жилищами.

Вспоминая объ исчезнувшихъ богадѣльныхъ бабахъ, смотря на опустѣлыя мѣста прежнихъ богадѣленъ, или на ихъ руины, мужикъ не дѣлаетъ такого сердечнаго помина, какой онъ отдалъ истинному Сумону, а двусмысленно говорить, что „были (нѣкыли) бабки, ды нимагъ: (усіі) поѣхыли ны кирмашъ!...“

Заключая свои воспоминанія о „старцахъ“ въ Витебской Бѣлоруссіи и минуя современныхъ собратій ихъ, съ которыми приходится ежедневно считаться горожанину и сельскому жителю, я считаю необходимымъ еще разъ вернуться къ вопросу о ихъ продовольствіи, несмотря на то, что объ этомъ отчасти уже сказано мною выше. Въ самомъ дѣлѣ: сыты-ли „старцы“ и насколько сыты? Случалось, что находили ихъ умершими отъ „ныхрѣти“: замерзшими на пути во время метели, утонувшими, завязшими въ болотной трясинѣ, зашибленными буреломомъ, наконецъ, опившимися водкой. Но ни я, ни другіе старожилы края не помнятъ случаевъ голодной смерти „старцевъ“,—что и породило мѣстное при- словье: „старецъ никогда не умиралъ съ голода“. Здоровый же видъ и сравнительная полнотѣлость у нѣкоторыхъ изъ нихъ, не стариковъ, наглядно подтверждаютъ, что они болѣе, чѣмъ сыты. Стоитъ вспомнить, что безъ всякаго почти физическаго труда, безъ малѣйшаго страха за хозяйственные

невзгоды, неразлучныя съ сельско хозяйственною жизнью, безъ опасенія за прочный пріютъ, въ которомъ не предстоитъ надобности, „старцы“ находятъ все нужное для удовлетворенія первыхъ потребностей наготовѣ. Кромѣ подаенія „старцу“ даютъ „стравы“, а лѣтомъ — молока; отказали ему въ томъ или другомъ — не бѣда: въ его „торбахъ“ найдется подходящій кусочекъ къ „снѣданію“, къ обѣду, къ „поблдику“, къ „пыдвячорку“⁸⁸⁾ и къ „вячѣры“; да и во время перехода до дальней деревни или на привалѣ ничто не мѣшаетъ „старцу трѣху пыхлусиць“⁸⁹⁾ изъ своихъ запасовъ. Торопиться же ему вообще некуда и не къ чему; а потому послѣ всякой ѣды можно не только полежать, „кабъ сало кылы кишокѣ обвивалысь“, но и соснуть немного, — что, какъ извѣстно, не ведетъ къ истощенію.

Но, помимо текущаго, такъ сказать, довольства, у „заможнаго старца“ есть и другое: какъ предусмотрительная бѣлка, онъ имѣетъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ уѣзда, на рукахъ сердобольныхъ „жіхаровъ“, не только „добро“, но и „сховы“⁹⁰⁾. Разсортированное по роду хлѣба и времени сбора — „залѣтышнее, лѣтышнее и сеголѣтышнее старѣцкое добрѣ“ доходитъ до нѣсколькихъ четвертей; въ старѣцкихъ же „сховахъ“ иногда просто тлѣетъ приличная одежда, бѣлье, куски холста, ленъ и истребляются молюю шубы, овчины, куски сукна и шерсть. Среди „добра“, какъ и среди „схововъ“, въ потайныхъ мѣстахъ, спрятаны денежныя сбереженія, и они бываютъ не ничтожны, потому что „старецъ только беретъ, а не отдаетъ“. Къ вящему довольству „старца“ слѣдуетъ причислить и то, что его „добрѣ и сховы“ остаются неприкосновенными: на нихъ нѣтъ воровъ и какихъ бы то ни было притязателей, нѣтъ завистниковъ и порицающихъ „старѣцкое“ скопидомство. Всякій знаетъ, что „старецъ“ не кралъ, не обманывалъ, пріобрѣталъ своеобразнымъ трудомъ на черный день, на „поховъ и поминъ своей душаньки“. Цѣль и средства достаточно почетны, чтобы отклонить посягательство на „старѣцкое добро и сховы“, пока живъ владѣлецъ ихъ. Это значило бы — „у старца кіѣкъ отнимать.“ Другое дѣло послѣ смерти „старца.“ Учинивъ „поховъ и поминъ старѣцкый душаньки“, сердобольный „жіхарь“ становится собственникомъ того „старѣцкаго

добра и схововъ,“ которые находились въ его домѣ иногда много-много лѣтъ и которые, какъ муравейникъ, росли, пока не умеръ муравей. Замѣчательно, что „старецкіе спадки“⁹¹⁾ не только не „сорбѣютъ“ дома, но, по народному вѣрованію, они прочнѣе найденнаго клада, который не только самъ „уходитъ прахомъ,“ но уносить съ собою и домашнее добро, разоряетъ домъ. Дѣйствительность нерѣдко оправдываетъ „блгысловенство старѣцкихъ спаткывъ:“ благодаря имъ, захудалый „жіхарь“ нерѣдко не только выходилъ изъ нужды, но и достигалъ значительнаго благосостоянія.

П р и м ѣ ч а н і я.

1) Одну изъ важнѣйшихъ особенностей Витебскихъ говоровъ въ отношеніи гласныхъ звуковъ составляетъ частый переходъ находящихся вѣ ударенія звуковъ *о* и *а*—въ *и*, (*е* и *ѣ*)—въ *и*, рѣже въ *я* (послѣ шипящихъ и *р*—въ *а*); напр. пыдываць=подавать, *пирадокъ*=передокъ, *пясѣкъ*=песокъ; старецъ—произносится старѣцъ.—2) Блажѣй, —скудоумный, юродивый.—3) Тѣрба у гѣрба—нищенская сумъ за спиною.—4) Вѣтрина, (отъ «теперь») пустыя колосыя и маленькіе куски соломы, остающіеся послѣ молотбы и собираемые отдѣльно отъ мякины, для коровъ.—5) Пилуха—тонкая мякина, получаемая отъ просѣва зерноваго хлѣба чрезъ рѣшето, или особеннымъ взмахомъ его въ ручномъ корытѣ, каковое дѣйствіе называется «подпалываньемъ зѣрнѣть».—6) Сѣмины и ѣмины—зерновой хлѣбъ, предназначенный въ первомъ случаѣ для посѣва, а во второмъ—на продовольственные нужды; также, всякіе съѣстные запасы въ прокъ и на текущія, ближайшія надобности.—7) Скрымяцина—всякое скоромное кушанье, преимущественно мясное.—8) Сыццѣ—сытость; пищевое довольство; вкусная и питательная ѣда; нѣчто въ родѣ жированія животныхъ.—9) Пыловѣй хлѣбъ—приготовленный изъ смѣси зеренъ, половину которыхъ составляютъ ржанія зерна. Градѣвый (грядка) хлѣбъ, или градѣвка—изъ непровѣянной ржи, вмѣстѣ съ ржаной мякиной; онъ же называется иногда, какъ и мякинный хлѣбъ, «пушнымъ», или «пушникомъ». Мякинный хлѣбъ, или «мякинѣа»—приготовленный изъ смѣси ржи съ овсяною, ячменною мякиной.—10) Павытыриный, стр. прич. отъ глаг., навтыриць,—наученный; привыкшій къ дѣлу. набившій руку; не новичекъ.—11) Вѣчча-жѣ-ся (род. п. Вѣччи-жѣ-си)—начало молитвы Господней въ искаженномъ видѣ („Отче... иже еси...“).—12) Стравъ, пытравъ—всякое вареное кушанье, преимущественно жидкое, въ которомъ растительный матеріалъ (трава) составляетъ всю суть кушанья. Хлѣбъ, блины, каша, молоко всѣхъ видовъ и „цѣнки“ (тѣря) не называются стравой.—13) Зѣбѣжко, отъ зѣбѣжѣ, хлѣбъ зерновой всѣхъ родовъ, хотя бы въ смѣси для корма скота.—14) Бизбацькывичъ и бизматкывичъ—круглый сирота; не имѣющий одного изъ родителей; незаконнорожденный.—15) Старизнычка, старизна—всякая старая одежда, обувь бѣдѣ. 16) Вѣтлыс(т)ъ—привѣтливостъ, вѣжливость; прилаг.—увѣтлы и вѣтлы; глаг.—вѣтлицѣ, привѣтлицѣ.—17) Туляцца пы зауголѣю—собственно, прятаться за углы строеній; скрываться отъ встрѣчныхъ и наблюдателей.—18) Мусиць,—глаг. безл.—можетъ быть, вѣроятно, должно быть; да. Въ знач. дѣйств. глаг.—заставлять, обязывать кого, понукать. Сущ. „примусъ“—принужденіе, временное управленіе гостей къ ѣдѣ и питью, составляющее главную основу гостеприимства.—19) Памжа—нѣчто въ родѣ мороваго повѣтрія; напасть.—20) Зѣбвиць—договорить, нанять въ услуженіе. Дѣлн паствы—для пастбы, стеречь скотину.—21) «Старое мѣсто»—технический терминъ съ браннымъ значеніемъ, въ смыслѣ з....цы.—22) Жихаръ—живущій собственнымъ хозяйствомъ, хозяинъ средней руки, не бобыль; замѣжный жихаръ—богатый хозяинъ, богачъ.—23) Пислухмѣнство—послушность и помощь вообще, а въ сельскохозя-

ственных работахъ и несчастіи въ особенности.—24) Припырица, припырь, припыр-
 ния пора—самое жаркое время лѣтнихъ работъ, когда всего больше парить.—25)
 Притомный—имѣющій притонъ, пріютъ; успокоившійся на мѣстѣ.—26) Обловуха, об-
 ловушка—коническая, на бараньемъ мѣху, крытая дмотканнымъ сукномъ шапка съ
 пришитыми наушниками и воротникомъ. Вѣстѣ съ поклажей, которая часто въ ней
 носится, обловуха вѣситъ иногда свыше 5 фунтовъ. Обловухій—имѣющій отвислы
 уши. Выраженіе: „свинья обловухая“ имѣетъ бранный смыслъ.—27) Сочѣнь, чня—
 лепешка изъ хлѣбнаго тѣста величиною съ блинъ. Намазанный слоемъ припеки и
 снова запеченный „сочѣнь“ превращается въ „ляпинъ“, или „ляпышекъ“, состав-
 ляющій обычный дорожный харчъ.—28) Сулѣйка—бутылка, полдустофъ; плоская бут-
 тыль, или глянчекъ.—29) Цапилина, ны—собственно рукоятъ цѣпа, также всякая
 палка подобной величины; въ рукахъ путника это—киекъ, и уручина.—30) Одуку-
 ваць—обучить, дать надлежащую выправку, пріучить къ ремеслу. Накрыцца хвос-
 томъ—незамѣтно уйти, безслѣдно пропасть.—31) Мыторокъ—небольшой веревочный
 поводокъ, на которомъ ведутъ домашнихъ животныхъ (телятъ, собакъ, козъ), въ дан-
 номъ случаѣ—слѣпцовъ.—32) Куть (уменьшит. кутѣкъ) въ тѣсномъ смыслѣ—почет-
 ный, красный уголь въ избѣ подъ образами; въ болѣе широкомъ значеніи—вообще
 уголь въ домѣ, пріютъ.—33) Спыдивацца—надѣяться, полагаться.—34) Сныткаць—
 встрѣтить; здѣсь заставить, застигнуть.—35) Кусанникъ, кусанъ—кусокъ недоѣденнаго
 хлѣба, на которомъ замѣтны слѣды зубовъ; хлѣбный огрызокъ.—Глытаникъ—глотокъ
 пищи или напитка.—36) Латаць, —заплатывать, чинить одежду, крышу; лата—за-
 плата.—37) Ныграць—напраслина.—Ныхраць—насиліе; иногда—ныхрапъ. Прил.—
 ныхратный; нарѣч.—ныхратымъ и ныхрапымъ (нахрапомъ).—38) Ласый—лакомый,
 вкусный; лакомка. Сущ.—ласунъ, ласуныкъ; глаг.—ласывиць.—39) Пѣрникъ, иначе
 пыпраникъ—пряникъ.—40) Похобны—имѣющій отношеніе къ погребенію и погребен-
 нымъ. Похобъ и похобвы—похороны, иначе—хаутуры.—41) Души умершихъ насиль-
 ственно хотя и свободны отъ всѣхъ своихъ грѣховъ, переходящихъ цѣликомъ на ви-
 новниковъ ихъ смерти, однако нѣкоторое время и онѣ „непритомны“, т. е. не имѣютъ
 полного упокоенія и пристанища, о дарованіи котораго здѣсь идетъ рѣчь.—Некреще-
 ные (някшѣны) несутъ „нипритѣмыс(т)ъ“ до 7 лѣтъ.—Някшѣникъ—бранное названіе
 жиды, иногда цыгана.—42) Бабка пупорѣзная или пупорѣзница—повивальная бабка,
 отрѣзавшая дѣтскую пуповину. Матка подхресная—крестная мать.—43) Працу
 прыцуваць—дословно: работу работать.—44) Ображаць—снаряжать на тотъ
 свѣтъ, обмывать и одѣвать покойника. „Ображаць“ Бога—гнѣвить Бога.—45)
 Икушѣвый—прилагат. отъ Якушь—Яковъ.—46) Нэхриць—тотъ, кто подвергаетъ
 другого насилію, кто поступаетъ противъ чести и житейскихъ условій (см. прим.
 37).—47) Чарплѣ, чирплѣ—дерев. посудица (мѣрою въ гарнецъ), съ длинной рукою
 для вычерпыванья изъ закрома и для насыпки зеренъ; ковшъ съ такою же рукояткой;
 черпалка для воды; рыбный сачокъ.—48) Хчивыс(т)ъ—жадность, зависть. Прил.—
 хчивый; глаг.—хчивиць.—49) Гѣрбывиць—брезговать, пренебрегать; заноситься, гор-
 диться.—50) Вѣва и Мума—фантастическія страшилища (бука) для запугиванья дѣтей;
 головныя и тѣльныя вши, также и блохи.—51) Силяць—нализывать, навязывать,
 зацѣплять.—52) Рыхманый—скромный, степенный. Сущ.—рыхманьсь; гл. рыхма-
 ниць.—53) Бязуры — озорникъ. Сущ. — бязурысь; глаг. — бязуриць и бязурицца.
 Укоризна—бязурина.—54) Нецелка—изба безъ топки печи, находящаяся чрезъ сѣни
 часто безъ печи, хотя и съ приготовленнымъ фундаментомъ для нея, служащая от-
 части кладовою, а отчасти (лѣтнею порой) спальнею, такъ какъ здѣсь меньше мухъ
 и блохъ.—Лазня—баня.—55) Валѣй—лучше, скорѣе.—56) Витацца, привитацца—
 здороваться, поздороваться, поклониться.—57) Кантычка—польская книжка съ свя-
 щенными пѣснями (канты).—58) Крыжъ съ рысипцемъ—небольшой на поста-
 ментѣ крестъ съ рѣзнымъ изображеніемъ ряспятаго Спасителя—важнѣйшая принад-
 лежность католическихъ домовъ.—59) Свѣтки—свидѣтели; свѣдчиць—быть свидѣте-
 лемъ. (Спеціальныи терминъ брачной формулы въ старинныхъ уніатскихъ требникахъ).
 60) Буза—рѣчной и озерный иль. Прил. бузанный; глаг. бузаниць, бузавиць—пакать,
 марать чистый предметъ.—61) Сцапиць—схватить, украсть. Воровство нѣкоторыхъ ни-
 щихъ довольно извѣстно по Витебской БѢлоруссіи и касается оно предметовъ далеко не
 христа-раднаго свойства. Тагъ, лѣтъ 14 тому назадъ во время „Борковичскаго дивят-

ника“ безслѣдно пропала 4-лѣтняя крестьянская дѣвочка, черезъ пять лѣтъ узнанная родителями на „поводырской“ службѣ у старца. Трогательная сцена признанія родителями давно оплаканной дочери, рассказы послѣдней о своей жизни у старца и проч. передавались мнѣ изъ двухъ источниковъ, съ однообразной точностью, исключая лишь того, что по одному сообщенію дѣвочка была узнана на томъ же Борковичскомъ киршаѣ, когда родители подошли къ старцу помянуть „сродничикывъ“, въ томъ числѣ и погибшую дочь, а по другому она была узнана въ родномъ домѣ, куда старецъ и его „поводырка“ случайно зашли.—62) Умысьни—умышлено, намѣренно. нарочно.—63) Засикъ—засѣкъ закромя.—64) Няхцивый и низайздросный—нежадный и невзвистливый.—65) Андыларя и андыралія—ординарія, т.е. опредѣленное количество хлѣба, отпускавшееся изъ панской экономіи на содержаніе одного лица, или цѣлой семьи.—66) Брыдысь-гадо-ть, то, что неприятно разить чувства; отвращеніе, гадливость. Прил. брыдкій—гадкій, глаг. брыдиць, брыдицца—питать отвращеніе.—67) Крупеня и крупникъ, супъ съ крупю. Поливка-кислый супъ на квасу или овсяной цѣжѣ. Капуста—кислое кушанье изъ свеклы, рѣже дѣйствительно изъ капусты, однако съ примѣсью свеклы.—68) Присмаки всякія добавленія къ кушанью, какъ-то: мясо, сало, рыба, грибы, лукъ, пряности. Закраса—собственно подправка, какъ напримѣръ разболтанная мука въ шахъ и борщѣ, размятый картофель въ брюквенномъ и морковномъ супѣ ради „пугриности“ послѣдняго, также молоко въ супѣ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что къ нѣкоторымъ кушаньямъ, уже поданнымъ на столъ, прибавляется „волога“, напримѣръ, масло и сало къ кашѣ, постное масло къ киселю и къ жидкимъ кушаньямъ и т. д.—69) Свадебники, въ тѣсномъ смыслѣ всѣ должностныя лица при свадьбѣ: сваты, дружки, боярки съ брачующимися включительно, что здѣсь и разумѣется; въ широкомъ смыслѣ—всѣ свадебные гости вообще.—70) Мандиса—„имѣете себя“, чувствуете себя, поживаете. Понятіе „маяться“ выражается словами слопацца, биць слоны. — 71) Слава Богу, кое какъ перебиваемъ. Хула—хвзла, только въ этомъ выраженіи и употребляется въ такомъ смыслѣ.—72) Стодоло—большое холодное строеніе въ родѣ хлѣбныхъ сараевъ въ большихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ; здѣсь большое жилое строеніе, съ трудомъ нагрѣваемое. — 73) Въ простонародномъ употребленіи зват. пад. сущ. женск. рода здѣсь почти всегда принимаетъ окончаніе з, или ѣ. Гукаць—звать, кликать, приглашать.—74) Зывыдай—вожакъ, главный распорядитель въ дѣлахъ серьезныхъ, такъ же какъ въ играхъ и забавахъ.—75) Я жогъ бы привести другой, болѣе полный текстъ Лазаря, записанный для меня въ февралѣ 1891 г. ученикомъ Поташинскаго нар. учил., Городскаго уѣз., Ант. Яковлевымъ, но подобный же текстъ попалъ уже въ сборникъ г. Романова (вып. V). 76) Такъ какъ „чертъ легокъ на поминѣ“, то не только въ пѣсняхъ, но и въ обыкновенныхъ разговорахъ, даже въ ругани, подлинное имя его обыкновенно замѣняется условно выраженіями: енъ, тэй, нячисникъ, пыганикъ, рыгатый, врагъ, и пр. — 77) Рожонъ и рожоникъ заостренный колъ (обгорѣлый конецъ); вертель.—78) Криничная вода (отъ „криница“, ключъ)—родниковая, ключевая вытекающая изъ горнаго склона; ключъ, бьющій на ровной поверхности, называется „узоръ“, хотя въ обыденномъ употребленіи оба понятія смѣшиваются.—79) Уживаць—пользоваться, употреблять. „Уживанная“ одежда поношенная, подержанная. „Уживаць съ Богомъ“—ѣсть на здоровье (изъ формулы благопожеланія при ѣдѣ).—80) Пирадокъ—большая скамья на четырехъ ножкахъ, стоящая впереди стола; такъ же называется подолъ женскаго платья.—81) Косциць (отъ кость) ругать; осуждать, „разбирать по косточкамъ“. Здикацца и зликацца—издѣваться, надругаться.—82) Нябощикъ, покойникъ, мертвецъ.—83) У чужій гыроды—слова изъ юмористической флор. пѣсни, гдѣ мать съ дочерью папутствуютъ неразумнаго сына въ чужія страны, (см. у П. В. Шейна, 1874 года, стр. 420 и М. А. Дмитриева, 1869 г. ст. 143).—Мужъ упоминаемой старухи, Лѣбскій, въ дѣйствительности былъ умный мужикъ, но подавленный и разоренный крѣпостничествомъ, опустился до невозможной лѣни. Состоя то „стадникомъ“, то подпаскомъ при панскихъ стадахъ, онъ тяготился и этою немудреною крѣпостническою службой, отъ которой нѣсколько разъ бывалъ „въ сбѣгахъ за рубежомъ“ (Смоленск. губ.). И здѣсь на свободной работѣ, какъ и на барщинѣ, онъ прибѣгалъ къ слѣдующимъ выходкамъ: бросивъ стремительно работу, падалъ на землю, катался по-лошадиному, потомъ становился на четвереньки, страхивалъ по лошадиному же приставшую къ одеждѣ землю и бѣжалъ въ лѣсъ

или кустарникъ, часто тоже на четверенькахъ. По возвращеніи къ ужину онъ коротко говорилъ, что и не помнить и не понимаетъ, что съ нимъ было. Панская порка была ему второю баней, да и та скоро прекратилась по слѣдующему поводу. Встрѣтивъ Лѣбскаго верхомъ на лошади, панъ остановилъ и спросилъ, куда и зачѣмъ онъ ведетъ лошадь? Въмѣсто прямого отвѣта Л. сказалъ: „а якъ, паночекъ, запражешъ етыго кыня, дыкъ ёнъ отъ колесь, а колесы за имъ!“ И на всѣ дальнѣйшіе спросы Л. неизмѣнно повторялъ одно и то-же. Это такъ изумило пана (Кудзиновича), что онъ отступилъ назадъ, перекрестился и сплюнулъ. Какъ „блажному“, хотя въ то-же время физическому атлету, Л.—му предоставлена была свобода въ выборѣ и продолжительности работы. 84) Ситникъ—ситный хлѣбъ, также рѣчной и озерный камышъ.—85) Колыглызъ (отъ словъ: колоть глаза)—озорникъ, сорви-голова.—86) Волоськая (род. волоській)—зданіе волостнаго правленія, волостная.—87) Старь—старое, прежнее мѣсто; старость, старый человѣкъ. Вѣстаръ принимаетъ укоризненное и даже бранное значеніе.—88) Полдникъ—ѣда скоро послѣ полудня (третья съ утра), кушанья, назначящіяся для этой ѣды. „Пыдвячорыкъ“—закуска между „полдникомъ“ и „вячерей“, за часъ, за два до послѣдней.—89) Троху (отъ „кроха“) пыхлусиць немного перекусить „у-сухумятку“.—90) Добро и сховы—достаточно объясняются изъ текста; эти слова сохраняютъ тотъ же смыслъ и значеніе и не въ нищенскомъ хозяйствѣ.—91) Спатки (спадки) деньги и имущество, перешедшія по наслѣдству, по завѣщанію.

Н. Я. Никифоровскій.